АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. И. ВАСИЛЕВСКАЯ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В КОРЕЕ НАКАНУНЕ АННЕКСИИ (1904—1910 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

9 (М) 32
В19

Ответственный редактор
Б. Г. Сапожников

Работа посвящена начальному периоду японского господства в Корее — времени так называемого протектората. В ней прослеживаются специфические черты японской колониальной политики. Автором подробно рассматриваются происшедшие в те годы изменения в экономике и государственном управлении Кореи — результат колониального порабощения страны.

В $\frac{10603—102}{013\ (02)—75}$ 104-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа посвящена изучению важного периода в истории колониальной политики Японии — периода установления японского господства в Корее (1904—1910 гг.), с русско-японской войны до полной аннексии страны.

Изучение этой проблемы важно для понимания характерных методов колониальной политики японского империализма в начале XX в., а также особенностей исторического развития Кореи в условиях японского господства.

Свою задачу автор видел в том, чтобы показать разнообразные формы и методы экономического ограбления (захват земель, концессий на разработку природных ресурсов, монополии во внешней и внутренней торговле), а также политического порабощения Кореи (подчинение японскими властями органов внутреннего управления, постепенная японизация государственного аппарата), которые означали фактическое превращение Кореи в колонию Японии еще до ее аннексии в 1910 г.

В работе также рассматривается вероломная политика американских и английских правящих кругов, способствовавших установлению японского господства в Корее во время протектората.

Во время русско-японской войны Япония установила в Корее военно-оккупационный режим, превратив Корею в стратегическую базу для ведения войны против России. В Корее господствовал полный произвол японских военных властей, которые беспощадно грабили корейцев, захватывая лучшие пахотные земли якобы для «военных нужд».

Тем не менее, в период русско-японской войны японское правительство не могло сразу приступить к установлению протектората над Кореей, не будучи уверено в ис-

ходе войны с Россией и — что особенно важно — опасаясь подъема национально-освободительного движения корейского народа.

Автор выделяет два периода в колониальной политике Японии в Корее во время протектората.

Первый период — с момента заключения кабального договора о протекторате в ноябре 1905 г. до июля 1907 г. — характеризуется тем, что Япония захватила в свои руки внешние сношения Кореи и создала аппарат генерального и провинциальных резидентов, которые шаг за шагом подчиняли внутреннее управление страны (центральные и местные органы власти, полицейскую и судебную систему).

Второй период протектората — с июля 1907 г. по август 1910 г. — отличается тем, что Япония, навязав Корее новый кабальный договор, захватывает всю полноту власти в стране (распускает корейскую армию, заставляет императора отречься от престола и т. д.) и лишает корейское правительство даже видимости самостоятельности во внутренних делах.

Таким образом, «договор» об аннексии, навязанный Корее в августе 1910 г., явился, по существу, лишь формальным актом, закрепившим превращение Кореи в колонию Японии еще в период протектората.

Фактический материал почерпнут автором прежде всего из биографии первого генерального резидента в Корее Ито Хиробуми [102], а также из официальных публикаций японского генерального резидента в Корее (ежегодные отчеты генерального резидента и генерал-губернатора в Корее). Следует отметить, что эти источники носят тенденциозный характер и ставят задачей доказать «прогрессивную роль» японского империализма в Корее.

Значительный фактический материал был получен из периодической печати и литературы на русском, английском и японском языках. Большую помощь автору оказали труды советских ученых-кореееведов: Ю. В. Ванина, М. Н. Пака, Б. Д. Пака, М. Хана, Ф. И. Шабшиной, В. И. Шипаева.

После освобождения Кореи от японского колониального господства в КНДР появилась обширная историография. В работах корейских историков одно из центральных мест заняло изучение национально-освободительной борьбы корейского народа против агрессии капи-

талистических государств, и в первую очередь против империалистической Японии. Кроме того, опубликованы многочисленные источники, материалы, ставшие научной базой для исследования этих проблем [см.: 119а; 120, 120а].

Труды ученых КНДР внесли крупный вклад в исследование международных отношений на Дальнем Востоке, в понимание форм и методов колониального закабаления Кореи японским империализмом, в изучение характера и значения национально-освободительной борьбы корейского народа в период протектората.

ВВЕДЕНИЕ

После буржуазной революции Мэйдзи 1867—1868 гг. молодой японский капитализм столкнулся с огромными внутри- и внешнеполитическими трудностями. Производительные силы страны, в значительной степени носившие феодальный характер, что объяснялось многолетними условиями изоляционизма, развивались чрезвычайно медленно. В Японии обострялась борьба народных масс за буржуазно-демократические свободы, одно за другим вспыхивали стихийные крестьянские восстания. Вместе с тем над Японией нависла угроза превращения в колонию более развитых государств. В японской печати стали появляться статьи, откровенно объяснявшие причину капитуляции Японии перед «черными кораблями» американского коммодора Перри (31 марта 1854 г.) и заключения неравноправных договоров «о мире и дружбе» с США, Англией, Францией и другими империалистическими государствами «беспомощной политикой феодального режима в стране» [213].

В целях преодоления отсталости Японии и опасности превращения ее в колонию европейских держав и США японское правительство стало ускоренными темпами «усваивать иностранный научно-технический опыт, культуру и буржуазно-демократические принципы административной власти» [170, 86].

В 70—80-х годах XIX в. Франция направила в Японию своих советников, передававших японцам опыт по созданию и обучению армии на основе новейших достижений военной науки. Англия поставляла современную технологию судостроения, в том числе и военного; ее специалисты учили японцев искусству управления финансово-кредитными учреждениями, промышленными компаниями. Германия взяла в свои руки консультации и помощь в

области государственной администрации, создания и функционирования генерального штаба, а также подготовки штабов войсковых соединений для управления военными действиями.

Наряду с этим в 1889 г. Ито Хиробуми, видный государственный деятель Японии, один из пяти членов олигархического органа при императоре — гэнро, в области внешней политики выдвинул программу «усвоения колониального опыта крупных капиталистических держав... сохраняя при этом превосходство национального духа японцев, присущего только им» [102а, 6]. Другими словами, Ито Хиробуми провозгласил программу агрессии против соседних азиатских государств, и в первую очередь против Кореи и Китая.

Японская буржуазия и ее правительство оказались «учениками со смыслом и соображением» [170, 123]. В Японии стала осуществляться активная подготовка к колониальным захватам в Азии. При этом наряду с европейскими методами порабощения большое внимание уделялось «превосходству национального духа японцев, присущего только им». В начале 50-х годов XIX в. Япония развернула националистическую пропаганду «борьбы против белого империализма», «против белых варваров». Японские правящие круги провозгласили право и обязанность японского народа, якобы разделившего общую судьбу с корейским и китайским народами и также попавшего под иго «белого» империализма, «освободить» азиатские народы, не останавливаясь перед применением силы. Японское правительство вовсе не считалось с тем, хотят ли Корея и Китай принять «освободительную миссию» молодого и весьма агрессивно настроенного японского капитализма, зная, что «японская буржуазия не скрывает свой замысел: насильственно захватить и эксплуатировать в своих интересах богатые сырьевые и людские ресурсы Кореи и Китая, чтобы ускорить развитие мощи своего государства, вытеснить Россию, Англию, Францию и другие капиталистические державы из Восточной Азии» [172, 11].

Корея оказалась в числе первых жертв японской агрессии в Восточной Азии, и это не случайно. Географическое положение Корейского полуострова имело важное стратегическое значение: близость к Китаю, общие границы с Маньчжурией, чрезвычайно удобные порты: Ин-

чхон (Чемульпо) на западном побережье Кореи, обеспечивающий выход в Желтое море и Ляодунский залив, и Пусан на западном побережье, близ японских портов Симоносэки и Сасэбо. Корея таким образом могла стать исходным военным плацдармом для дальнейших действий против России и Китая. Вынашивая экспансионистские планы в отношении Кореи, японские правящие круги рассчитывали на националистические настроения в китайском правительстве, вызванные начавшимся еще в первой половине XIX в. разделом Китая.

В Токио учитывали также обострение противоречий между империалистическими государствами в связи с планами дальнейшей колонизации Китая, что, по мнению правящих кругов Японии, с одной стороны, «помешает объединению их усилий для срыва японских мероприятий в Корее», с другой же — «дает основание рассчитывать на стремление соперничающих держав достичь соглашения с Японией и добиться, чтобы она поддерживала действия одних колониальных держав против других» [107, 164]. Последний расчет действительно имел основание. Правительство Англии, например, «с интересом наблюдало за дальнейшими военными приготовлениями Японии, рассчитывая на возможность использования ее военной мощи против царской России, усиливающей свое влияние в Маньчжурии и Корее» [107, 183].

В 1876 г. был заключен японо-корейский торговый договор, по которому Корея обязалась открыть для японской торговли порты Пусан, Вонсан и Инчхон. Первый неравноправный договор, навязанный Японией Корее, вызвал возмущение и протест со стороны корейского народа. Японское посольство в Корее подверглось нападению, японский посланник вынужден был спасаться бегством, а часть служащих посольства, не успевших скрыться, были убиты.

Министр иностранных дел Японии граф Иноуэ, прибывший вскоре в Сеул, привез ультиматум своего правительства и одновременно передал в Пекин категорическое требование о возмещении убытков и официальном признании Китаем «вины в происшедшем инциденте» [88, 85]. В апреле 1885 г. китайское правительство вторично капитулировало перед Японией: был заключен договор, по которому обе державы обязались вывести свои войска и не посылать в Корею своих военных инструк-

торов. Пункт 3-й договора гласил: «Если бы обеим договаривающимся державам или одной из них пришлось, в случае восстания или других важных событий в Корее, отправить туда войска, обе державы должны предварительно условиться друг с другом о необходимых мероприятиях и по восстановлении спокойствия тотчас же вывести свои войска из Кореи, не оставляя там ни под каким видом своих гарнизонов» [88, 86]. Безоружная Корея вполне устраивала японских агрессоров.

До 1894 г. Япония под всякими предлогами сохраняла при своем посольстве военный контингент, а в корейские и китайские воды часто входили японские военные корабли. В 1894 г. корейское крестьянство, доведенное до отчаяния гнетом и грабежом правительственных чиновников, подняло восстание. Корейский король обратился к китайскому правительству Ли Хун-чжана за помощью для подавления восстания. Предупредив правительство Японии о посылке 1500 солдат и офицеров с целью подавления восстания, правительство Ли Хун-чжана вместе с тем «заверило японцев, что после выполнения этой конкретной боевой задачи китайские войска будут выведены из Кореи» [88, 90]. Тем не менее 12 июня 1894 г. Япония высадила бригаду своих войск в Инчхоне, которая захватила дорогу Инчхон — Сеул. 23 июля части японской бригады под командованием генерала Осима вошли в Сеул и штурмовали королевский дворец. В это же время корабли японского флота вошли в корейские воды и перерезали морские коммуникации, чтобы воспрепятствовать подвозу китайских подкреплений в Корею. Как выяснилось впоследствии, «японцы имели заранее тщательно разработанный план войны с Китаем, сводившийся к уничтожению или парализованию китайского флота в Желтом море, к овладению Ляодунским и Шаньдунским полуостровами и к высадке значительных сил пехоты в Шаньдуне и Маньчжурии... Имелось в виду двинуть отдельную армию через Корею в Маньчжурию» [88, 91]. Начав, по существу, уже в июле войну против Китая, японское правительство официально объявило ее 1 августа. Японский военно-морской флот сразу же захватил господство на море. К концу августа 1894 г. Япония уже имела в Корее 40 тыс. солдат и офицеров [87, 11]. Интересно отметить, что еще до начала войны в японской армии распевали песню, в которой бы-

ли такие слова: «Наступило время водрузить знамя Восходящего солнца на стенах китайской столицы... Вперед, на Пекин!.. Война начата из-за Кореи, но от воли императора будет зависеть, как дальше защищать свободу Востока» [88, 94]. К весне 1895 г. японская армия овладела основными портами и коммуникациями в Корее, Ляодунским полуостровом и наступала в Шаньдуне, приближаясь к порту Вэйхайвэй; готовилась группировка флота и десантных войск для захвата Формозы (Тайваня), а 12 марта японский десант высадился на Пескадорских островах.

Империалистические державы в целом заняли благоприятную для Японии позицию, не оказав никакой помощи Китаю для отражения японской агрессии. Правда, царская Россия, Франция и Германия, преследуя свои корыстные интересы, «посоветовали японскому правительству не противодействовать заключению мира какими-либо непомерными требованиями» [177, 47]. Эти же страны принудили Японию отказаться от прав на Ляодунский полуостров, «так как это было бы угрозой столице Китая, делало бы призрачной независимость Кореи, было бы вечным препятствием продолжительному миру» [87, 71].

Позиция империалистических держав во время японо-китайской войны способствовала еще большей активизации экспансионистской политики Японии в Восточной Азии, так как японские правящие круги были теперь убеждены, что можно рассчитывать на «податливость великих держав и их стремление наивыгоднейшим образом использовать японскую армию и флот против Кореи и Китая в своих корыстных целях» [108, 211].

Царская Россия старалась теснее связаться с потерпевшим поражение китайским правительством, использовать его экономические и финансовые трудности, чтобы расширить свои позиции в Маньчжурии и Корее. Московский русско-китайский договор от 3 июня 1896 г. об оборонительном союзе против Японии предусматривал, что «в случае нападения на Китай, на Корею или на восточноазиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна прийти другой на помощь своими вооруженными силами» [21, 105]. Для обеспечения оперативных переброс войск России разрешалась постройка железной дороги через Маньчжурию до Владивостока,

а концессия на строительство дороги была выдана Русско-Китайскому банку, который после подписания 8 сентября 1896 г. концессионного договора учредил для строительства и эксплуатации дороги Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Имея в виду расширение торговли с Кореей, царское правительство добивалось в то же время концессии на строительство железной дороги по Центрально-Маньчжурской равнине от Харбина к Ляодуну. Но вмешательство японских и английских конкурентов России не позволило этого осуществить. Только в марте 1898 г., когда был подписан русско-китайский договор об аренде Россией Порт-Артура и Ляодунского полуострова, китайское правительство дало согласие на постройку Россией железной дороги от Порт-Артура до Харбина на соединение с Китайско-Восточной железной дорогой.

В начале XX в. Корея стала объектом борьбы между Японией и Россией. Причем «борьба велась не только за укрепление экономических и торговых интересов этих государств, но и со стороны Японии — за создание военного плацдарма для завоевания всей территории Восточной Азии, а со стороны России — за укрепление ее позиций в Корее и Китае и создание военного форпоста, призванного обеспечить ее незамерзающие порты для выхода и свободного плавания в Желтом и Восточно-Китайском морях Тихого океана» [129а, 14].

Русско-японская война 1904—1905 гг. явилась, таким образом, колониальной войной двух империалистических государств. В ходе войны, преследуя свои колониальные интересы, одни империалистические державы оказывали поддержку Японии, другие — царской России. Однако всех объединяло желание, чтобы и Россия и Япония как можно больше ослабили друг друга. Поэтому военная, финансовая и дипломатическая поддержка оказывалась в определенных пределах. Такой характер носили и англо-японский союз, и русско-германское сближение накануне и в ходе русско-японской войны.

Ярким примером «дружбы до определенного предела» может служить тот факт, что после победы японского флота в Цусимском сражении «английское правительство сочло, что Япония усилилась более чем достаточно и что войну пора кончать; ради этого оно стало постепенно закрывать для Японии лондонский денежный ме-

шок. Еще более крутой поворот произошел в Соединенных Штатах» [65, т. II, 172].

По Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г. Россия признала Корею сферой японского влияния. Япония таким образом развязала себе руки в Корее, получила исходные рубежи для дальнейшей подготовки оккупации всей Маньчжурии.

В ноябре 1905 г. печатный орган японских социалистов газета «Хэймин симбун» писала, что «победа над Россией приносит неизмеримо больше экономических и моральных страданий корейскому народу, чем если бы была одержана военная победа непосредственно над корейским народом, который никогда не примирится с ролью „разменной монеты" для империалистических азартных игроков» [214]. Это было написано в связи с тем, что корейский император обратился к США и Великобритании, надеясь с их помощью заставить Японию признать независимость и самостоятельность Кореи. По другому пути шли трудящиеся Кореи. Русская революция 1905 г., подъем революционного движения в Китае, Индии и других странах Востока воодушевляли и звали корейский народ на борьбу против империалистической Японии и ее империалистических «доноров».

Таким образом, не только происки империалистических соперников, но и все возрастающее антияпонское народное движение в Корее и Китае заставили правящие круги Японии не торопиться с юридическим оформлением аннексии Кореи вплоть до 1910 г. Япония в это время решилась лишь на установление протектората над Кореей. При этом наряду с откровенным кровавым подавлением сопротивления корейского народа японское правительство широко прибегало к демагогическим пропагандистским приемам. Провозглашались националистические паназиатские лозунги «защиты прав и свободы» слабых азиатских народов (Кореи) от происков «белого империализма», прославлялась система протектората, якобы «способствовавшая» укреплению международного авторитета, независимости и внутриполитической стабильности Кореи.

Японский протекторат в Корее (1905—1910), можно сказать, явился своеобразной формой подготовки к аннексии, т. е. к полному превращению Кореи в колонию японского империализма. После аннексии Кореи в 1910 г.

здесь был установлен колониальный режим, который просуществовал до августа 1945 г., когда советские войска разгромили японскую Квантунскую армию в Маньчжурии и Северной Корее и оказали помощь корейским и китайским силам национально-освободительного антияпонского движения в достижении полного освобождения от колониального ига Японии.

Изучение колониальной политики Японии в Корее в период протектората, анализ содержания и форм административных и политических мер внутри страны, а также внешнеполитических мероприятий представляет несомненный научный интерес. Современный неоколониализм использует на практике многие формы отношений метрополии с подчиненными государствами в отношениях с бывшими колониальными странами, завоевавшими политическую независимость. Однако в современных условиях, когда происки неоколонизаторов получают все больший отпор, «старые формы» видоизменяются.

Глава 1

ЯПОНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В КОРЕЕ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА О ПРОТЕКТОРАТЕ

Установление военно-оккупационного режима в Корее

Империалистические противоречия между Японией и царской Россией стали обостряться уже с конца XIX в. Огромную роль в этом сыграл корейский вопрос. Япония, молодой империалистический хищник, вынашивала планы превращения Кореи в свою колонию, что, разумеется, вызывало резкий отпор со стороны царской России. Между ними назревало военное столкновение.

Желая скрыть свои захватнические устремления, японское правительство в июле 1903 г. предложило царскому правительству обсудить дальневосточные проблемы.

В период затянувшихся переговоров с Россией Япония подготовила в Корее базу для предстоящих операций в Южной Маньчжурии. В Инчхоне и Масане были сосредоточены запасы вооружения, снаряжения, продовольствия и фуража. В Корею скрытно перебрасывались японские войска.

10 января 1904 г. русский корреспондент сообщал из Сеула, что в начале января Япония выгрузила в Инчхоне большое количество боеприпасов и что 12 тыс. японских солдат и офицеров высадились в Масанпхо. Между Пусаном и Сеулом на расстоянии каждых 50 миль японцы создавали специальные военные опорные пункты. Вдоль железнодорожной линии строились небольшие казармы на 20—30 солдат каждая. В порту Кунсан, в нескольких часах езды от Инчхона, японцы выгрузили большое количество продовольствия и легкие орудийные установки [145, 190].

Эти военные приготовления на территории Кореи вы-

звали возмущение корейского народа. Большую роль в выступлениях против японского произвола сыграли бывшие корейские солдаты. В январе 1904 г. в г. Чхонане (пров. Чхунчхон) вспыхнуло вооруженное восстание против японцев. Был создан отряд, насчитывавший до 400 человек, ядром которого были бывшие корейские солдаты. Восставшие нападали на японцев, живущих близ Сеул-Пусанской железной дороги, предпринимались попытки разрушить саму дорогу. В провинциях Чхунчхон, Чолла и Кёнсан восставшие насчитывали в своих рядах до 2 тыс. хорошо вооруженных бывших корейских солдат [198, 4.II.1904].

Эти выступления корейского народа, несмотря на свою неорганизованность, в какой-то мере затрудняли подготовительные мероприятия японцев.

Незадолго до начала русско-японской войны, 21 января 1904 г., корейское правительство, желая помешать использованию Японией территории Кореи в войне с Россией, опубликовало декларацию о нейтралитете [61, 140]. Однако империалистическая Япония, которая выступала с лозунгом «защиты» независимости и территориальной целостности Кореи от посягательств царской России, не пожелала считаться с этим.

Одновременно с нападением на Порт-Артур (в ночь на 8 февраля 1904 г.) японская эскадра внезапно напала на два русских военных корабля, находившихся в нейтральном корейском порту Инчхон. В ту же ночь в Инчхоне высадился трехтысячный японский отряд, нарушив нейтралитет Кореи.

Министр иностранных дел России Ламсдорф в своем сообщении русским представителям за границей, сделанном 11 февраля, заявил, что русское правительство считает необходимым обратить серьезное внимание всех стран на насильственные мероприятия японского правительства по отношению к Корее. В этом сообщении говорилось, что независимость Кореи и неприкосновенность ее территории была признана всеми державами. Это было подтверждено Симоносекским договором 1895 г., англо-японским договором 1902 г., а также франко-русской декларацией от 16 марта 1902 г. Далее русское правительство предупреждало, что в связи с незаконным захватом Японией власти в Корее оно признает недействительными все распоряжения и заявления, кото-

рые последуют от имени корейского правительства [198, 13. II.1904; 123, 355—357].

Однако, находясь в состоянии войны с Японией и не будучи к ней подготовлена, Россия не могла помешать установлению военно-оккупационного режима в Корее.

После оккупации Чемульпо японские войска окружили дворец корейского императора. При этом японский посланник в Сеуле заявил корейскому императору, что «отныне Корея будет находиться под управлением Японии», предупредив, что «в случае непокорности японские войска займут дворец» [там же].

23 февраля 1904 г. после двухнедельных попыток сопротивления корейский император под угрозой вооруженного вторжения был вынужден подписать союзный договор с Японией. По этому договору Япония могла использовать корейскую территорию в качестве базы для военных операций против России, за что японское правительство гарантировало «независимость и территориальную целостность корейской империи» [22, 312].

Заключением японо-корейского «договора» от 23 февраля 1904 г. Япония легализовала установление в Корее военно-оккупационного режима, ограничила внешнюю и внутреннюю самостоятельность Кореи, нарушив таким образом ее государственный суверенитет. Корея превращалась в военно-стратегическую базу Японии для ведения войны против России. В официальном сообщении по поводу заключения этого договора японское правительство заявляло, что его целью является «облегчить проведение военных операций... и также... предотвратить будущие осложнения» [163, 254; 47, 437].

Мероприятия по подготовке протектората

Получив право занимать любые земельные площади в Корее, которые они сочтут «необходимыми со стратегической точки зрения», японские военные власти немедленно приступили к экспроприации корейских земель под так называемые военные нужды. Они захватывали лучшие земли в окрестностях крупных корейских городов, в долинах рек и вдоль железных дорог. В течение 1904—1905 гг. японцами было экспроприировано около 11 тыс. тё пахотной земли [52, 20—21] [1].

Земли, не использованные для армейских нужд, присваивали японские военные чиновники в личную собственность. Несмотря на то что за отчужденную частную земельную собственность было обещано выплачивать небольшую компенсацию, даже японские власти вынуждены были признать, что «беспорядок в деле земельного учета и цен на землю, а также путаница в определении частной и государственной собственности на землю чрезвычайно затрудняли решение вопроса и порождали недоразумения у некоторой части корейцев» [52, 20]. «Недоразумениями» назывались возмущения корейских крестьян незаконными, грабительскими действиями захватчиков.

Большая земельная площадь была экспроприирована японскими военными властями под строящиеся железные дороги без всякого вознаграждения. При этом японцы заявляли, что «согласно договору с корейским правительством Япония ничего не должна платить и крестьяне должны вести переговоры с сеульскими властями» [176, 81]. Это было равносильно тому, что никто ничего не получит» [там же], — отмечает английский исследователь В. Путнэм.

О том, как происходил захват земель под железные дороги, японский буржуазный журнал «Тюо корон» писал: «Безрассудно и безжалостно прибегали они (администрация) к законам для экспроприации земель, причем корейцы были принуждены расставаться со своей собственностью, не получая за это никакого вознаграждения» [61, 161].

Ярким примером захвата земель был случай в районе Ёнсан. Для японцев этот район имел очень важное стратегическое значение, так как здесь пересекались основные железнодорожные пути Кореи: Сеул — Пусан, Сеул — Инчхон и строящаяся Северная корейская железная дорога (Сеул — Ыйджу) [42, 74—76]. Часть земли этого района была арендована японскими военными властями на несколько лет. Остальную же землю японские власти стали захватывать под предлогом «военной необходимости».

Населению этого района было приказано оставить землю. В качестве «компенсации» за землю было обещано выплатить населению ничтожную сумму в 200 тыс. иен. В ответ на произвол японских властей в этом районе

поднялось крестьянское восстание, которое было жестоко подавлено.

Однако корейское население подвергалось притеснениям не только со стороны японской администрации. Часто случалось так, что корейский крестьянин испытывал нужду в денежной ссуде. Японский ростовщик охотно предоставлял крестьянину нужную сумму под высокий процент и под залог земли. Когда наступало время должнику платить проценты, то ростовщик исчезал. Озадаченный кореец был уверен, что его кредитор явится немедленно, но... наступал второй срок платежа, а кредитора все не было. Спустя некоторое время появлялся японский ростовщик и заявлял, что проценты не уплачены.

Ссылаясь на соответствующий пункт заключенного ими соглашения (о котором кореец по своей неграмотности часто и не знал), ростовщик лишал должника права выкупа закладной. Никакие жалобы крестьянина не могли ему помочь. Во всех инстанциях выигрывал японский ростовщик, а корейский крестьянин лишался единственного источника существования.

Американский миссионер Хальберт приводит многочисленные примеры насильственной конфискации японцами корейской собственности: «В Пхеньяне японец потребовал от корейца, чтобы последний продал ему свой дом за полцены. Кореец пытался протестовать, но его бесцеремонно выбросили из дома в соседний японский барак и к тому же жестоко избили. Расстроенный и разгневанный этим бесчестием, он покончил с собой» [145, 217—218].

Английский журналист Маккензи, долго живший в Корее, описывает грабеж японцами корейцев в период русско-японской войны следующим образом: «Имущество корейцев, их земля, сельскохозяйственные продукты, право рыболовства и пр. полностью захватывались японскими переселенцами, а владельцы избивались и оскорблялись. В других случаях у корейцев насильственно отбирали рыболовные участки, а если они сопротивлялись, то их убивали. Японские солдаты до полусмерти избивали корейцев по малейшему поводу. Каждый японский солдат чувствовал себя полноправным судьей, налагая любое наказание, какое ему заблагорассудится» [148, 58—59].

Приведенные факты наглядно показывают, какому жестокому грабежу подвергалось корейское население уже с самого начала русско-японской войны.

Не довольствуясь захватом корейских земель под «военные нужды», японское правительство решило прибегнуть к новому маневру, стремясь заполучить еще большее количество земли в Корее.

С этой целью был использован некий японский финансист Нагамори. 17 июня 1904 г. он обратился к корейскому правительству с предложением предоставить ему концессию на все пустующие или необрабатываемые земли в Корее [2]. Концессионер требовал права на обработку этих земель и на разработку богатств, таящихся в их недрах. Он настаивал, чтобы его концессия в течение первых пяти лет была освобождена от всякого обложения. Срок концессии номинально намечался на 50 лет.

Опубликование проекта Нагамори явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения корейского народа. По всей Корее поднялась буря протеста. Организовывались митинги, направлялись петиции корейскому правительству с просьбой не соглашаться на японские требования. Против этого проекта подняли голос протеста не только корейские крестьяне, но и влиятельные корейские помещики.

В короткий срок в Сеуле корейские чиновники, возмущенные засильем японцев, создали общество «Поанхве» («Общество поддержания мира и безопасности»). Члены этого общества приняли решение сопротивляться японским требованиям, а также направили корейскому императору петицию с просьбой не соглашаться на требования японцев.

Хотя деятельность «Поанхве» ограничивалась только петициями, японские власти все же решили его ликвидировать. Они потребовали от корейского правительства разгона общества и ареста его членов. 16 июля 1904 г. японская полиция разогнала заседание общества, а несколько его руководителей были арестованы.

В результате этого и ряда других налетов японской полиции правление общества было разгромлено, а большинство членов «Поанхве» были арестованы.

Однако, несмотря на террор, число сторонников «Поанхве» росло, насчитывая по нескольку тысяч человек в каждой провинции.

По всей Корее происходили демонстрации протеста против проекта Нагамори, которые показали японцам, что корейский народ полон твердой решимости к сопротивлению. Несмотря на всю неорганизованность народного движения, на слабость общества «Поанхве», японцам все же в этот период не удалось осуществить проект Нагамори.

* * *

Не будучи уверенной в исходе войны с Россией, боясь не получить санкции США и Англии на полный захват Кореи, а главное — опасаясь подъема национально-освободительного движения в Корее, Япония решила действовать осторожно, «боясь испортить отношения с державами и только усложнить себе все дело». Японское правительство стремилось захватить важнейшие области внешнего и внутреннего управления страной, пытаясь подготовить таким образом мировое общественное мнение к «неизбежности» установления японского протектората над Кореей.

В марте 1904 г., вскоре после заключения японо-корейского «договора» (23 февраля), в Корею был послан маркиз Ито Хиробуми, один из виднейших государственных деятелей Японии, ближайший советник японского императора. По официальной версии, Ито поехал в Корею для заверения корейского императора в «дружбе и помощи» Японии.

Ряд буржуазных ученых и писателей, поддерживая эту версию [см.: 152; 163; 102], старательно изображают Ито «поборником независимости» Кореи. Однако, вернувшись в Японию, именно Ито Хиробуми стал инициатором и вдохновителем принятого правительством в мае 1904 г. решения, где говорилось следующее:

«1. В соответствующее время Корея либо станет нашим протекторатом, либо мы должны будем ее аннексировать.

2. До этого момента мы должны получить фактические права протектора в политическом, дипломатическом и военном отношении и должны неуклонно обеспечивать наши экономические интересы» [106, 247].

Таким образом, японские правящие круги выдвинули программу аннексии Кореи.

В июле 1904 г. Япония вынудила корейское правительство согласиться принять японских советников по вопросам финансов, а также внешних сношений [61, 141]. Это было оформлено договором между Японией и Кореей, подписанным 22 августа 1904 г. [там же]. Таким образом, корейские министерство финансов и министерство иностранных дел подпали под контроль Японии. Корея лишилась права свободно заключать договоры с иностранными державами без предварительного одобрения их японским правительством [22, 317—318].

Мэгата, финансовый эксперт японского министерства финансов, был назначен на пост советника корейского правительства по вопросам финансов, а Д. В. Стивенс, американский гражданин, состоявший на службе японского ведомства по иностранным делам, стал дипломатическим советником корейского правительства.

Кроме того, согласно договору японский посланник в Сеуле Хаяси Гонсукэ получил право в любое время посещать корейского императора. Ему же было поручено «наблюдать за всей корейской администрацией».

Учреждался также пост советника министерства двора Кореи (его мог занимать только японец), которое ведало всеми делами императорской фамилии.

Японо-корейский «договор» от 22 августа 1904 г. знаменовал собой новый этап японской политики, направленной на подчинение Кореи. Японское правительство непосредственно приступило к подготовке установления протектората над Кореей, захватывая в свои руки важнейшие области внутреннего управления страной.

Присутствие японских войск в Корее обеспечивало Японии свободное проведение тех «реформ», которые она считала нужными.

Согласно вышеуказанному «договору» с Кореей вмешательство Японии во внутреннее управление этой страной должно было ограничиваться только контролем над ее финансами, а в области внешних сношений — получением предварительного согласия Японии на договоры Кореи с иностранными державами. Однако японское правительство вовсе не собиралось выполнять эти условия. Более того, этот «договор» был необходим Японии для того, чтобы перейти к политике еще большего подчинения Кореи.

Ярким свидетельством тому является программа так

называемых «реформ» в Корее, принятая японским правительством вскоре после заключения вышеуказанного «договора». Вот несколько наиболее характерных пунктов этой программы.

«Пункт 8. Корейское правительство отзовет своих дипломатических представителей и консулов из-за границы, как только будет принято решение о передаче внешних сношений Кореи в руки Японии.

Пункт 9. Как только будет завершен отзыв корейских дипломатических представителей и консулов из-за границы, иностранные дипломатические представители, аккредитованные в Корее, должны будут покинуть Сеул и только консулы останутся на своих постах».

Это означало переход в руки японского правительства всех внешних сношений Кореи, т. е. именно то, что в международном праве понимается под словом «протекторат» [3].

«Пункт 10. Корейская армия, в настоящее время насчитывающая 20 тыс. человек, будет сокращена до 1 тыс. человек. Все гарнизоны в провинциях будут распущены, останется только гарнизон в Сеуле».

Этот пункт, сводящийся почти к полному уничтожению корейской армии, являлся нарушением прав страны, над которой установлен протекторат. Японские власти надеялись роспуском корейской армии лишить корейский народ возможности оказать вооруженное сопротивление.

«Пункт 11. В области просвещения будет проводиться целенаправленная политика, и система университетов, средних и начальных школ будет создана по образцу японской».

Желая осуществить полную японизацию корейского населения, японское правительство ставило целью создание в Корее японских школ, введение обучения на японском языке, ликвидацию корейской национальной культуры.

«Пункт 12. Предсказатели, гадалки и другие лица, поддерживающие религиозные предрассудки, будут устранены из окружения корейского императора для поддержания его достоинства».

Это давало право японцам изгнать из дворца всех неугодных им лиц, в какой-либо мере способных служить препятствием для осуществления их планов.

«Пункт 20. Будет создана до сих пор не существующая должность высшего советника (японца) корейского правительства».

Этот пункт означал установление контроля Японии над внутренним управлением Кореи.

«Пункт 21. Земледелие будет усовершенствоваться обработкой пустующих земель и развитием естественных ресурсов» [176, 55—57].

Это было явной попыткой возродить проект Нагамори, который не удалось осуществить в июне 1904 г.

В годы русско-японской войны японское правительство только приступило к проведению этих «реформ», которые были завершены уже в последующие годы после установления японского протектората. Большое значение для установления контроля японских властей над внутренним управлением Кореи имело осуществление денежной «реформы».

К проведению денежной «реформы» Япония приступила в декабре 1904 г., после прибытия в Корею японского финансового советника Мэгата. Главной задачей этой «реформы» было привязать корейскую экономику к японской.

В Корее был закрыт правительственный монетный двор и прекращен выпуск никелевых и медных денег, имевших хождение в Корее, так как рыночный курс последних был неустойчив и постоянно падал. Императорским эдиктом № 1091 денежное обращение Кореи переводилось на золотое обеспечение [211, 1906, № 2, 12—17]. В январе 1905 г. был издан еще один императорский эдикт, который предписывал ввести новое денежное обращение с июня 1905 г. [там же]. При этом японский банк «Дай ити гинко» («Первый банк») превращался в центральное казначейство корейского правительства, получая право распоряжаться доходами корейских таможен и другими правительственными средствами. Этот японский банк стал центром денежного обращения в Корее. Сбор налогов был также поручен «Первому банку». Чеканка монеты в Корее была запрещена, и корейское правительство официально санкционировало обращение новых денежных знаков, выпускаемых «Первым банком». Обмен денег в Корее начался летом 1905 г. и фактически закончился осенью 1905 г. Обмен старых денег на новые происходил из расчета двух старых монет

на одну новую при одинаковой номинальной стоимости [176, 79].

Обмен денег вызвал их острую нехватку и общее повышение рыночных цен, так как новых денег было выпущено недостаточное количество, а на рынке исчезли и старые деньги. Корейские купцы разорялись, не имея возможности получить деньги по векселям и за свои товары. Японское казначейство получило огромные прибыли от перечеканки монет, в то время как корейской казне эта финансовая реформа обошлась в 8 млн. иен [145, 216—217].

Кроме того, «Первому банку» было разрешено выпускать корейские бумажные деньги. Хотя предполагалось, что корейские бумажные знаки будут в одной цене с японскими бумажными знаками, но в действительности они расценивались на рынке на 5—6% дешевле [176, 78].

Следовательно, получилось, что в Корее помимо японских денег имели хождение старые никелевые и медные монеты и еще новые бумажные знаки, а это означало, что денежная система Кореи не только не стала более прочной, а, наоборот, хаос в денежной системе только увеличился. Тем не менее главная задача этой «реформы» — привязать корейскую денежную систему к японской — была выполнена.

В 1905 г. Япония навязала Корее займы в 3 млн. иен и 2 млн. иен из расчета 6% годовых [176, 80], не допустив осуществления предложения корейских частных фирм о предоставлении займов своему правительству по более низкой процентной ставке.

В 1906 г. в Токио был выпущен новый 6-процентный заем в 10 млн. иен якобы для «промышленного развития Кореи», а на деле для покрытия огромных расходов корейского правительства при проведении японцами этой денежной «реформы». К 1906 г. у Кореи создалась большая иностранная задолженность. В результате всех этих финансовых мероприятий японского правительства корейский бюджет оказался еще более дефицитным, чем когда-либо.

Таким образом, при проведении вышеуказанной денежной «реформы» огромные прибыли получил японский «Первый банк», захвативший в свои руки все финансы и налоговую систему Кореи, японское казначейство, а также японские купцы в Корее.

У корейского правительства появился огромный долг Японии, уплата которого легла всей тяжестью на корейское население в связи с еще бо́льшим увеличением налогового бремени. Цены на рынке сильно поднялись, что опять понизило и без того низкий жизненный уровень корейского народа.

Японские военные власти последовательно подчиняли себе внутреннее управление Кореи. В начале 1905 г. японцы поставили под свой контроль полицию г. Сеула и назначили японских полицейских инспекторов во все провинции Кореи [163, 256].

Важным шагом по претворению в жизнь программы «реформ» японского правительства явились мероприятия по сокращению численности корейских вооруженных сил.

В январе 1905 г. японский посланник Хаяси Гонсукэ представил корейскому императору требования о проведении новых административных «реформ» в Корее. Одним из основных требований Хаяси было сократить корейскую армию до 800 человек дворцовой стражи.

Кроме того, Хаяси потребовал отзыва корейских дипломатических миссий из-за границы, роспуска корейского министерства почты и телеграфа, назначения корейцев, говорящих по-японски, в провинциальные учреждения. В дополнение к этому Хаяси потребовал компенсации за каждого японца, убитого корейцами на протяжении прошлых 10 лет [там же].

Эти требования вызвали бурю протестов среди корейского населения. Группа видных корейских политических деятелей написала петицию корейскому императору, резко осуждающую действия японцев. По приказу японских властей все они были арестованы. Несмотря на протесты корейского народа, японским властям удалось добиться сокращения корейских вооруженных сил. Значительная часть корейской армии в провинциях была распущена. Так, с июля 1905 г. по июль 1906 г. корейская армия, насчитывавшая 20 тыс. человек, была сокращена на 311 офицеров и 8214 солдат [176, 78].

Помимо этого они добились сокращения столичного корейского гарнизона с 6 тыс. человек до 1,5 тыс. человек дворцовой стражи [176, 78], несмотря на протесты корейского императора боявшегося покушения японцев на его жизнь. Нечего и говорить, что это новое незаконное действие японских властей, заставивших корейское

правительство сократить до минимума корейскую армию, было вызвано желанием Японии предотвратить возможность оказания вооруженного сопротивления.

Кроме того, в апреле 1905 г. японские власти навязали Корее «соглашения» о передаче в управление японского правительства всех средств связи страны — почты, телеграфа, телефона, а также о свободном плавании японских судов вдоль побережья и во внутренних водах Кореи с использованием гаваней и бухт [163, 257].

Большую помощь в подготовке и установлении протектората над Кореей оказало японским правящим кругам общество «Ильчинхве» (Единое прогрессивное общество). Японские империалисты в годы русско-японской войны, маскируя свою захватническую политику в Корее и стремясь как можно скорее ликвидировать политическую независимость страны, приложили много усилий для того, чтобы создать в Корее социальную опору из феодально-помещичьих элементов и компрадорской буржуазии. Эту роль должна была сыграть сильная прояпонская политическая организация, способная деморализовать и усыпить общественное мнение Кореи и бороться с бурно нараставшим по всей стране антияпонским движением.

Для этой цели японцы использовали своего ставленника Сон Бёнджуна [4], который являлся подлинным руководителем общества.

Важнейшими пунктами программы «Ильчинхве» являлись лозунги об «уважении к императорскому дому», об «улучшении внутреннего управления», об «административных реформах» и пр., которые умело использовали японские власти.

Почти одновременно с обществом «Ильчинхве» глава реакционного крыла секты «Тонхак» Сон Бёнхи [5] и Ли Ёнгу создали общество «Чинбохве» (Общество прогресса) с аналогичной программой. Это общество, председателем которого стал японский агент Ли Ёнгу [65а, 384], в ноябре 1904 г. слилось с «Ильчинхве». Социальную базу «Ильчинхве» составляли представители верхушки феодально-помещичьих слоев Кореи и нарождавшейся компрадорской буржуазии. Они использовали в своих целях идею независимости Кореи, которой якобы можно добиться только с помощью Японии, выставляя основным врагом Кореи царскую Россию.

Через несколько месяцев после своего создания «Ильчинхве» вовлекло в сферу своего непосредственного влияния свыше 200 тыс. крестьян [95, 69].

Общество «Ильчинхве» можно рассматривать как одну из попыток японцев использовать пресловутую доктрину «Азия для азиатов», которая еще с конца XIX в. являлась политической и идеологической платформой правящих кругов Японии, прикрывавшей захватнические планы японского империализма. Ее последователи утверждали, что Япония стоит в одном ряду с угнетаемыми нациями Востока и что у японцев и других народов Азии общие интересы, обусловленные принадлежностью к одной расе, объединяемой родственной духовной культурой.

Общество «Ильчинхве» стало усиленно помогать Японии в войне против России. Члены общества занимались шпионажем и насильственной вербовкой рабочей силы для перевозки японских военных материалов и постройки для японцев железной дороги Сеул — Ыйджу, имевшей военно-стратегическое значение.

В январе 1905 г. общество «Ильчинхве» выпустило декларацию, обращенную к Японии, в которой выражало полную поддержку ее действиям в войне с Россией [105, 244].

Как только Япония одержала победу, деятели «Ильчинхве» еще более ярко проявили свое предательство интересов корейского народа, выступив 5 ноября 1905 г. с декларацией, требовавшей установления японского протектората над Кореей. «Для Кореи, — говорилось в этом документе, — нет иных путей, как целиком передать право внешних сношений дружественной Японии и поддержать национальный престиж, опираясь на ее силу...» [95, 82].

Эта декларация, которая возмутила патриотические слои корейского общества, использовалась японским правительством в целях распространения лживых уверений о том, что корейцы «горячо желают японского протектората» [105, 244].

Вся дальнейшая деятельность членов общества «Ильчинхве» в годы японского протектората над Кореей, о которой будет рассказано в следующих главах, в корне противоречила национальным чаяниям широких народных масс.

Поддержка США и Англией японской агрессии в Корее в годы русско-японской войны

Несмотря на столь угрожающую для независимости Кореи ситуацию, сложившуюся накануне русско-японской войны, американские правящие круги даже и не помышляли о выполнении своих обязательств перед Кореей, взятых по договору 1882 г.[6].

В их планы входило не только вытеснение России из Маньчжурии и Северного Китая, но и использование территории Маньчжурии для подчинения своему контролю исконно русских земель [26, 164]. Правящие круги США считали Россию своим главным противником на Дальнем Востоке и стремились использовать Японию как противовес влиянию России. Американские империалисты рассчитывали на то, что Япония в финансово-экономическом отношении очень слаба и если ей помочь изгнать Россию из Кореи и Маньчжурии, то для освоения завоеванных территорий Япония прибегнет к помощи американского капитала, и таким образом будет открыт путь для постепенного подчинения этих стран американскому капиталу.

Через два дня после внезапного нападения японской эскадры на русские суда Т. Рузвельт в письме старшему сыну выразил свое удовлетворение по этому поводу. «И между нами, — писал он, — я был в высшей степени рад японской победе, ибо Япония играет нашу игру» [49, 375; 86, 267].

Когда Япония, нарушив нейтралитет Кореи, заставила корейского императора под военным давлением подписать японо-корейский протокол от 23 февраля 1904 г., правящие круги США вполне ясно показали, что они не только не собираются препятствовать захвату Кореи, но, наоборот, всячески поощряют его.

Т. Рузвельт в беседе с японским послом в Америке Канэко 7 июня 1904 г. не только одобрил полное подчинение Кореи Японией, заявив, что «Корея должна стать сферой интересов Японии...», но даже выразил сомнение в том, «явится ли это достаточным вознаграждением ей (Японии) за ее победу» [115, 465]. В сентябре 1904 г. по просьбе корейского императора бывший корейский посланник в Вашингтоне обратился к советнику корейской миссии в США, умоляя его добиться от американского

президента или государственного секретаря выполнения своих неоднократных обещаний и оказания Корее необходимой помощи в этот критический для нее момент, когда Япония угрожает ее независимости и территориальной целостности [184, 348]. Однако эта попытка повлиять на американского президента и заставить его оказать Корее обещанные «добрые услуги» окончилась безрезультатно.

В январе 1905 г. Т. Рузвельт обменялся несколькими телеграммами с британским министром иностранных дел Лэнсдоуном, в которых было заранее предрешено установление японского протектората над Кореей.

Таким образом, уже в начале 1905 г. между Англией, Японией и США было достигнуто полное согласие по вопросу о судьбе Кореи. 29 июля 1905 г. было заключено секретное соглашение между военным министром США Тафтом и японским премьер-министром Кацура, в котором были сформулированы «права» Японии на установление японского протектората в Корее.

Рузвельт полностью одобрил заявление Тафта, что сделало протокол беседы Тафт — Кацура официальным документом. Соглашение Тафт — Кацура было первым официальным международным актом признания японского протектората над Кореей.

С начала 1905 г., проводя дипломатическую подготовку к будущей мирной конференции, Япония решила досрочно продлить англо-японский союз, чтобы обеспечить себе полную поддержку Англии на мирной конференции. Японская дипломатия еще с декабря 1904 г. добивалась заключения нового договора с Англией и настойчиво торопила с его подписанием [60, 243; 165, 335]. Подписание союзного договора с Англией усилило бы позицию Японии на предстоящей мирной конференции, а также закрепило бы права Японии на Корею до того момента, когда начнутся переговоры с Россией, которую она хотела поставить перед уже совершившимся фактом.

Английский посол в Вашингтоне информировал Т. Рузвельта о проекте нового англо-японского договора и получил полное одобрение корейской статьи этого договора, которая сводилась к тому, что «Корея... должна попасть под контроль и опеку Японии» [41, 174—175]. Англия также признавала «преобладающие полити-

ческие, военные и экономические интересы Японии в Корее и „право Японии" предпринимать любые меры для защиты этих интересов» [131, 113—114; 146, 160].

Следовательно, к началу Портсмутской конференции Япония добилась полного согласия США и Англии на установление японского протектората в Корее.

Японский проект мирного договора с Россией в отношении Кореи почти совпадал с корейской статьей второго англо-японского союзного договора. Статья 2 Портсмутского договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимым принять в Корее» [65, т. II, 595].

Царская Россия, хотя и была ослаблена поражением в войне с Японией, все же пыталась в отличие от США и Англии отстоять на конференции суверенитет корейского государства, поскольку сохранение независимости Кореи имело существенное значение для обороны русского Дальнего Востока. России не удалось добиться внесения в договор пункта о суверенитете корейского государства [183, 18]. Однако по ее настоянию в протокол конференции было внесено решение о том, что «меры, которые Япония может признать необходимыми в Корее в будущем и которые наносят ущерб суверенитету этой страны, будут приняты с согласия правительства Кореи» [там же].

Занесение подобного решения в протокол конференции вынуждало впоследствии японское правительство при проведении каждого мероприятия, нарушавшего корейский суверенитет, оформлять это соответствующим японо-корейским «договором».

После заключения Портсмутского мирного договора под влиянием непрерывно растущего давления японцев корейский император направил в США американского миссионера Хальберта, жившего в Корее с 1886 г., с тайным посланием к Рузвельту, умоляя его оказать Корее «добрые услуги» согласно американо-корейскому договору 1882 г. Однако по приезде в США Хальберт безуспешно пытался добиться свидания с Рузвельтом. Американские правящие круги не собирались препятствовать

замыслам Японии и выступать в защиту независимости корейского государства.

Об этом еще более ясно говорила позиция правительства США после провозглашения «договора» о протекторате Японии над Кореей. Стремясь аннулировать упомянутый «договор», корейский император предпринял еще одну отчаянную попытку добиться вмешательства Соединенных Штатов. По поручению императора 11 декабря 1905 г. бывший корейский посланник во Франции, находившийся в США проездом из Парижа в Корею, посетил государственного секретаря. Он пытался убедить его, что «договор», заключенный 17 ноября 1905 г., был подписан корейцами под давлением Японии и потому является недействительным. Он передал просьбу корейского императора к правительству США выступить наконец со своими «добрыми услугами» [184, 353].

Государственный секретарь Рут в ответ на это заявил корейскому посланнику, что японо-корейские «соглашения» от 23 февраля и 22 августа 1904 г., против которых Корея якобы не возражала, «практически установили контроль Японии над внешними сношениями Кореи» и, следовательно, «полностью препятствуют любому вмешательству Соединенных Штатов на основании договора 1882 года» [184, 353; 47, 629—630].

Заявлением Рута были окончательно отвергнуты все попытки Кореи получить помощь Соединенных Штатов в виде «добрых услуг».

Преследуя свои империалистические цели, США оказали решительное содействие установлению японского протектората над Кореей.

Установление японского протектората над Кореей

Получив предварительное согласие Соединенных штатов Америки и Великобритании на установление японского протектората над Кореей и добившись по договору в Портсмуте признания Россией «преобладающих политических, военных и экономических интересов» Японии в Корее, японские правящие круги решили усилить нажим на корейское правительство и добиться от него подписания договора о протекторате.

Опасаясь противодействия России, а главное — боясь подъема национально-освободительного движения в Корее, японское правительство решило оформить протекторат над Кореей соответствующим «договором».

Для подписания «договора» о протекторате в Корею был направлен специальный посланник японского императора маркиз Ито Хиробуми, который прибыл в Сеул 10 ноября 1905 г.

11 ноября маркиз Ито встретился с корейским императором и вручил ему послание японского императора, в котором говорилось, что главной задачей Японии в настоящее время является «защита мира и безопасности двух империй и укрепление дружеских отношений между ними» [152, 255]. В связи с этим выражалась надежда, что корейский император будет следовать указаниям маркиза Ито, которые якобы необходимы для поддержания мира на Дальнем Востоке.

15 ноября маркиз Ито вторично получил аудиенцию у корейского императора и представил ему проект будущего японо-корейского договора, подробно изложив «причины, по которым Япония должна взять на себя заботу о внешней политике Кореи» [102, 683].

Маркиз Ито старался всячески убедить корейского императора в том, что Япония возьмет на себя только руководство внешними сношениями Кореи и никоим образом не будет вмешиваться во внутреннее управление страной.

В беседе с императором Кореи маркиз Ито Хиробуми заявил, что независимо от того, согласится ли корейский император на японский проект договора или нет, результаты, нужные японцам, будут достигнуты любой ценой и упорство императора только приведет к «неблагоприятным последствиям» [102, 689].

Корейский император, не решаясь открыто сопротивляться японцам, избегал прямого ответа на требование Ито дать согласие на подписание договора о протекторате. Желая выиграть время и надеясь получить ответ от американского президента на свое письмо с просьбой о помощи, отправленное с Хальбертом, император заявил маркизу, что он не может принять решения, не посовещавшись с правительством и не спросив мнения простого народа [там же]. Хотя Ито, отбросив дипломатический этикет, настаивал на немедленном принятии угодного

Японии решения, император отказался подчиниться. Вторая аудиенция, продолжавшаяся пять часов, также закончилась безрезультатно. Ито пришлось уйти, согласившись на предложение корейского императора о том, что японский посланник Хаяси Гонсукэ представит проект договора корейскому министру иностранных дел Пак Чесуну, а последний обсудит этот вопрос с корейским правительством и, приняв определенное решение, доложит о нем императору.

На следующий день, 16 ноября, японский посланник в Корее Хаяси Гонсукэ посетил корейского министра иностранных дел Пак Чесуна и вручил ему проект японо-корейского договора. В этот же день все корейские министры были приглашены в японскую миссию, где происходило совещание, продолжавшееся до поздней ночи.

Ито и Хаяси, требуя от корейских министров подписания этого договора, аргументировали тем, что это якобы «необходимо для объединения Японии и Кореи». Кроме того, они рисовали картины «великого единого Востока, где все азиатские нации будут твердо стоять против белых, которые подчинили бы их, если бы могли» [149, 133].

Корейские министры, конечно, понимали, что «единство Азии» на деле будет означать господство Японии над Кореей, и 16 ноября Ито и Хаяси еще не удалось заставить их подчиниться японским требованиям.

17 ноября члены корейского кабинета вторично были вызваны в японскую миссию, где японский посланник Хаяси снова настойчиво добивался от них принятия японских требований. Однако и на этот раз никакого решения принято не было.

Тогда Хаяси предложил министрам открыть заседание кабинета в присутствии корейского императора. В это время, чтобы устрашить корейское правительство и императора и заставить их принять японские требования, на площади перед императорским дворцом были устроены маневры японских войск в полном боевом вооружении, включая полевые орудия.

В тот же вечер, 17 ноября, японские солдаты ворвались на территорию дворца и окружили резиденцию корейского императора.

Ито Хиробуми прибыл во дворец в сопровождении

главнокомандующего японскими войсками в Корее генерала Хасэгава. Ито потребовал присутствия императора на предстоящем заседании кабинета. Император отказался, сославшись на то, что он нездоров, и просил Ито обсудить проект договора с министрами. Ито вернулся к министрам и сказал: «Ваш император приказал вам совещаться со мной и решить этот вопрос» [149, 135].

Таким образом Ито принудил корейских министров к новому обсуждению японского проекта договора в присутствии Хаяси и Хасэгава. Он решил во что бы то ни стало добиться в этот день подписания договора о протекторате.

Совещание проходило в накалившейся до крайности обстановке. Вокруг дворца продолжали маневрировать японские солдаты. Сквозь открытые окна доносились бряцание оружия и слова боевой команды. Однако, несмотря на прямые угрозы со стороны Ито, премьер-министр Хан Гюсоль и министр финансов Мин Ёнги решительно отказались подчиниться японским требованиям. Увидев, что остальные министры проявляют желание пойти на уступки японцам, Хан Гюсоль заявил, что немедленно доложит императору о предателях. Он вышел из комнаты, но в коридоре был схвачен японцами. Ито Хиробуми стал настаивать на окончательном решении вопроса и прежде всего потребовал ответа от министра иностранных дел Пак Чесуна. Тот ответил, что он возражает против данного проекта договора, однако если его император прикажет ему подписать договор, то ему придется подчиниться [102, 693].

Таким образом, Пак Чесун уступил давлению японцев, предав тем самым интересы своего народа.

Министр просвещения Ли Ванъён, назначенный позднее японцами премьер-министром Кореи, в своем ответе Ито заявил, что требование Японии является «логическим результатом существующей обстановки на Востоке», поскольку внешняя политика Кореи «принудила» Японию к войне с Россией и стоила ей больших жертв. Когда же Япония вышла победительницей из войны с Россией, то Корея должна помочь ей поддержать будущий мир на Дальнем Востоке и поэтому должна принять японские требования [102, 695; 152, 264—265].

Остальные корейские министры последовали примеру Пак Чесуна и Ли Ванъёна, и в ночь с 17 на 18 ноября

1905 г. «договор» о протекторате Японии над Кореей был подписан министром иностранных дел Пак Чесуном и японским посланником Хаяси Гонсукэ.

В биографии Ито Хиробуми и в японофильской работе Ледда «В Корее с маркизом Ито» фальсифицируются факты подписания «договора» о протекторате от 17 ноября 1905 г. В них говорится, что после подписания «договора» корейский министр двора и министр внутренних дел якобы отправились во дворец доложить императору о заключении «договора» и что будто бы император дал свою санкцию, внеся одну поправку в его текст. Эта поправка гласила, что настоящий «договор» будет аннулирован в тот момент, когда Корея будет иметь «достаточно силы для поддержания своей независимости» [102, 668; 152, 268].

На самом деле корейский император не давал санкции на подписание «договора» о протекторате. Это подтверждается тем, что 18 ноября корейский император опять заявил, что он не давал согласия на «договор» [149, 137].

Более того, когда в корейской газете «Хвансон синмун» («Столичная газета») был напечатан бюллетень, излагавший подробности насильственного заключения «договора», редактор газеты был оштрафован и брошен в тюрьму, а газета запрещена. В этом бюллетене газета обвиняла в измене корейских министров, подписавших позорный «договор» о протекторате, и утверждала, что корейский император никогда не давал согласия на этот «договор».

Таким образом, японо-корейский «договор» от 17 ноября 1905 г. был насильственным, заключенным под давлением японских вооруженных сил. Даже японские ученые не пытаются скрывать насильственный характер подписания этого «договора». Арига Нагао, известный специалист по истории международных отношений, стараясь доказать его «законность», пишет: «При заключении подобного рода договоров насилие является неизбежным условием» [191, 264].

Таким образом, фактически имеются все основания считать «договор» о протекторате, по которому Япония захватила в свои руки руководство внешними сношениями Кореи, незаконным.

Договоры Кореи с другими иностранными государ-

ствами оставались в силе, и Япония обязывалась следить за их выполнением. Однако все новые договоры могли быть заключены только Японией. Представителем Японии при корейском дворе назначался генеральный резидент, в обязанности которого входили дела, связанные с внешними сношениями Кореи. Договоры и соглашения между Японией и Кореей оставались в силе. Японское правительство обязывалось сохранить «благоденствие и достоинство императорского дома» [22, 325].

Навязанный Корее с помощью военной силы «договор» о протекторате лишал Корею независимости, сохраняя только видимость самостоятельности корейского правительства во внутренних делах. Этого не скрывала даже японская буржуазная пресса. В частности, в статье о Корее, помещенной в журнале «Тайё» вскоре после заключения этого «договора», говорилось: «Нет необходимости скрывать тот факт, что Япония уничтожила независимость Кореи» [193, 13].

22 ноября 1905 г. японское правительство опубликовало официальную декларацию об установлении протектората над Кореей, а уже 24 ноября 1905 г. миссия США в Корее первой из всех иностранных миссий была закрыта [131, 305].

В ответ на это японский посол в США Такахира немедленно получил из Токио предписание передать государственному секретарю США, что японское правительство «в высшей степени ценит дружественное расположение, снова проявленное правительством Соединенных Штатов в виде благоприятного отклика на желание императорского правительства и быстрого отзыва миссии США из Кореи» [47, 614].

За американским посланником последовали германский, английский и другие иностранные представители в этом ранге, которые впоследствии были заменены консулами.

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ КОРЕИ В ГОДЫ ЯПОНСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

Первый период протектората (1905—1907 гг.)

Создание аппарата генерального и провинциальных резидентов в Корее

По «договору» от 17 ноября 1905 г. японское правительство должен был представлять в Корее генеральный резидент, в компетенцию которого отходили вопросы, касающиеся только внешних сношений Кореи [114, 195].

Однако указ японского императора № 267 от 20 декабря 1905 г. о правах и обязанностях генерального резидента в Корее нарушал не только «договор» с Кореей, но и Портсмутский договор с Россией, в протоколе которого обусловливалось оформление соответствующим соглашением с корейским правительством каждого мероприятия японского правительства, ущемляющего корейский государственный суверенитет.

Японский император своим указом давал санкцию генеральному резиденту в Корее вмешиваться во внутреннее управление страной, захватывая в свои руки важнейшие функции корейского правительства.

Вот основные пункты этого указа японского императора:

«4. Генеральный резидент может отдать приказ главнокомандующему японских гарнизонов в Корее применить вооруженные силы в тот момент, когда сочтет это необходимым для поддержания общественного спокойствия и порядка в Корее.

5. В целях выполнения обязательств по договору, осуществляя управление Кореей, генеральный резидент представляет на рассмотрение корейскому правительству предложения, которые он сочтет необходимыми, и должен требовать их исполнения.

Однако в тех случаях, когда требуется срочное решение вопроса, генеральный резидент дает указание местным корейским властям и требует немедленного принятия мер, а потом уведомляет об этом корейское правительство.

6. Генеральный резидент, издавая приказы, может за их нарушение заключать в тюрьму на срок до 1 года и налагать штраф до 200 иен.

7. Если генеральный резидент признает, что приказы или распоряжения корейских властей расходятся с условиями договора и наносят ущерб общественным интересам, нарушая полномочия японских властей, он может эти приказы и распоряжения приостановить или аннулировать» [102, 705—707].

Как видно из приведенных пунктов указа японского императора, деятельность генерального резидента в Корее не ограничивалась консульскими вопросами и делами, связанными с иностранцами в Корее. Японский генеральный резидент получал широкие полномочия. Он становился, как писала японская пресса, «подлинным хозяином Кореи» [193, 10—11].

Генеральный резидент, имевший в своем распоряжении армию, полицию и жандармерию, мог отдать приказ о подавлении любого народного движения, любого проявления недовольства, направленного против Японии.

Согласно пункту 5 этого указа он получал право непосредственно давать распоряжения местным корейским властям, минуя корейское правительство, что полностью нарушало корейский государственный суверенитет. Хотя здесь была внесена оговорка о «необходимости» таких действий в случае «срочности» дела, однако неопределенность формулировок давала генеральному резиденту возможность широко использовать это положение и вмешиваться в дела местных корейских властей в любое время, когда он сочтет нужным.

Генеральный резидент, получив право заключать в тюрьму любого корейца, захватывал в свои руки административно-полицейские функции. Однако в действительности права генерального резидента этим не ограничивались, так как Корея оставалась на военном положении, и, следовательно, по его приказу военный суд мог приговорить к смертной казни.

И наконец, наиболее ярким свидетельством неограни-

ченности власти генерального резидента было его право отменять по своему усмотрению любые приказы корейских властей, что означало установление контроля генерального резидента за всеми административными мероприятиями корейского правительства.

Таким образом, фактически главой государства стал японский генеральный резидент, хотя формально им продолжал считаться корейский император. Сохранялся корейский Совет министров, который собирался под личным председательством императора[1], однако пост министра иностранных дел был ликвидирован. Указ японского правительства об упразднении корейского министерства иностранных дел был опубликован 20 января 1906 г.

В январе 1906 г. японские консульства в Корее были превращены в аппараты провинциальных резидентов, которые были созданы во всех открытых портах, таких, как Сеул, Инчхон, Пусан, Вонсан (Гензан), Чиннанмпхо, Масанпхо, и в провинциальных центрах.

Тогано Нарадзаки, автор «Новой истории Кореи», перечисляет следующие функции провинциальных резидентов в Корее:

«Резиденты под контролем генерального резидента должны осуществлять все те функции, которые раньше в Корее выполняли японские консулы.

Резиденты могут без приказа генерального резидента просить командующего японскими войсками, находящимися в этом районе, применить военную силу в том случае, когда возникнет экстренная необходимость поддержать общественный порядок.

Резиденты могут, не дожидаясь приказа генерального резидента, в случае если возникнет экстренная необходимость, осуществлять функции административного управления Кореей и отдавать распоряжения непосредственно местным корейским властям, а уж затем докладывать об этом генеральному резиденту.

Резиденты могут наложить штраф на каждого, нарушившего их приказ, в пределах 10 иен. Кроме того, в районах своей юрисдикции они являются первой судебной инстанцией в делах между японцами и корейцами» [113, 44—45].

Из перечисленных функций провинциальных резидентов видно, что они не только должны были выполнять

обязанности бывших японских консулов, но становились, по существу, полными хозяевами открытых портов и провинциальных центров. Местные же корейские власти должны были подчиняться их приказам.

Вскоре после создания в Корее аппарата генерального резидента по указанию Ито и непосредственно под его контролем была создана специальная комиссия из нескольких японских и корейских чиновников для того, чтобы «выработать мероприятия по улучшению местного управления» в Корее [42, 19]. В результате деятельности этой комиссии корейское министерство внутренних дел в сентябре 1906 г. издало ряд декретов и указов, вносящих изменения в местное управление Кореей [там же].

Были упразднены должности специальных уполномоченных корейского императора и полицейских надзирателей в открытых портах.

Формально во всех провинциальных центрах сохранялись корейские губернаторы, в уездных городах — уездные начальники, а в Сеуле — градоначальник.

Однако вся корейская провинциальная администрация была поставлена под японский контроль. В каждой провинции были созданы аппараты провинциальных резидентов, а при каждом губернаторе провинции — филиал аппарата провинциального резидента. Причем японские резиденты получали права советников корейских губернаторов по всем вопросам местного управления Кореей.

Нечего и говорить, что без санкции японских резидентов корейские губернаторы ни одного решения принять не могли.

В первых числах февраля 1906 г. иностранные консулы в Корее получили от своих правительств указания о том, что маркиз Ито назначен генеральным резидентом в Корее, а все японские консулы — резидентами и что иностранным представителям надлежит по всем корейским делам сноситься с вновь назначенными японскими властями.

Подчинение судебной и полицейской системы Кореи

До установления японского протектората в Корее существовали только два суда: кассационный и столичный сеульский. В провинциях же функции судей выпол-

няли: губернаторы, начальники округов, уполномоченные в открытых портах и различные должностные лица.

В 1906 г. по требованию генерального резидента корейское правительство реорганизовало существовавшую судебную систему. Была учреждена должность японского советника юстиции, который должен был «принять активное участие в руководстве судебными делами и контролировать пересмотр законов и указов» [42, 22—23]. Суды создавались в провинциальных центрах и уездах. Кроме того, было увеличено число судей и клерков в кассационном и столичном сеульском судах. Во все без исключения суды назначались японские представители.

Необходимо отметить, что в уездные суды представителями назначались специальные помощники японских полицейских советников. Таким образом все уездные суды оказались в руках полиции.

Хотя внешне японские представители в корейских судах имели совещательные права, они фактически руководили судебной системой Кореи и по их «советам» выносились судебные приговоры.

Однако даже эти мероприятия японские власти сочли недостаточными. По требованию генерального резидента 25 августа 1906 г. в Корее был учрежден Верховный суд. В официальном заявлении по поводу открытия суда сообщалось, что «Верховный суд есть чрезвычайный и высший орган в Корее. Ему подсудны как японцы, так и корейцы» [89, 215].

Таким образом судебная система Кореи была перестроена по японскому образцу и фактически уже в 1906 г. полностью попала под контроль японских властей.

Создавая в Корее такую судебную систему, японское правительство ставило перед собой две цели: 1) ввиду того что Япония готовилась к аннексии Кореи, ей надо было уничтожить договоры последней с иностранными государствами, важным пунктом которых было право экстерриториальности. Для этого необходимо было показать иностранным державам, что в Корее создана «прогрессивная» судебная система европейско-американского типа; 2) с созданием в провинциях и уездах новых судов, в которые назначались японские представители, япон-

ское правительство охватывало всю Корею сетью японских чиновников.

Кроме установления своего контроля над судебной системой Кореи японский генеральный резидент сосредоточил в своих руках руководство всей корейской полицией.

Уже к началу русско-японской войны японцы под видом «охраны» своих подданных в Корее создали японские полицейские участки при каждом японском консульстве.

Во время русско-японской войны Япония навязала Корее своих полицейских советников. Кроме того, в Корее была создана японская жандармерия. В результате появились три вида полиции: корейская полиция, японская полиция при консульствах и японская жандармерия.

После установления протектората все эти три вида полиции были поставлены под общий контроль японского генерального резидента.

При этом обычные полицейские функции осуществлялись японской и корейской полицией, а японская жандармерия занималась делами «по охране» корейской императорской фамилии и борьбой с теми, кто «мешал дружеским отношениям между Японией и Кореей» [152, 345—346], что означало подавление всех взрывов народного возмущения против Японии.

По «совету» японского генерального резидента корейское правительство в 1906 г. ассигновало 300 тыс. иен на организацию полицейских отделов в каждой из 13 провинций, под контролем которых было создано 26 отделений полиции и 122 полицейских участка [42, 32].

В ноябре 1906 г. полицейский корпус в Корее состоял из 1300 японцев и 2067 корейцев [52, 33].

Подводя итог первому периоду правления японского генерального резидента в Корее, можно сказать, что вся политика Ито была направлена на утверждение режима протектората и постепенное подчинение корейского государственного аппарата японским властям.

Второй период протектората (1907—1910 гг.)

Отречение корейского императора от престола и роспуск армии

В январе 1907 г. на страницах газеты, издаваемой в Сеуле англичанином Бэсселлом, «Кориа Дэйли Ньюс» было опубликовано послание корейского императора, адресованное правителям Америки, России, Германии и Франции. В послании говорилось: «Я не мог даже представить себе, что положение так серьезно, однако давление сильного соседа день ото дня увеличивается. Нас уже лишили права внешних сношений и наносят ущерб нашему суверенитету. Я и все мои подданные, возмущенные и встревоженные, апеллируем ко всему миру... Исходя из идеи добрых отношений и помощи слабому, я обращаюсь ко всем дружественным странам и искренне уповаю на их добродетель, которая может сохранить независимость нашей страны и распространить на меня и на всех моих подданных свои благодеяния» [102, 744].

Корейское правительство, возглавляемое Пак Чесуном, поспешило объявить это послание фальшивкой и 21 января опубликовало опровержение в правительственном вестнике. Однако Бэсселл продолжал утверждать, что сообщение его газеты является достоверным и в качестве доказательства поместил в ней фотографию императорской печати, которой было скреплено указанное выше послание. Ито Хиробуми, находившийся в это время в Японии, поспешил приехать в Корею и немедленно посетил корейского императора, который, опасаясь последствий, заявил, что не принимал в опубликовании послания никакого участия.

Несмотря на это, послание корейского императора послужило поводом для отставки корейского кабинета Пак Чесуна. Под давлением Ито и общества «Ильчинхве» 22 мая 1907 г. Пак Чесун подал в отставку. Следует отметить, что Пак Чесун, находясь на посту премьер-министра, иногда пытался говорить о «невозможности выполнения японской программы» и этим вызывал недовольство Ито, которому нужен был премьер-министр, слепо выполняющий все приказы японских властей. Таким и был его ставленник Ли Ваньён. Вновь созданный кабинет вполне отвечал требованиям япон-

ских властей: служить послушным орудием постепенного превращения Кореи в колонию Японии.

Корейский император, однако, все еще надеялся на помощь великих держав. В апреле 1907 г. он направил делегацию на Гаагскую мирную конференцию.

Делегаты имели при себе следующее письмо корейского императора, адресованное великим державам: «Поскольку независимость Кореи признается всеми государствами, с которыми она находится в дружественных отношениях, то я имею право отправлять делегации на все международные конференции, которые созываются с любой целью. Однако по условиям договора от 17 ноября 1905 г., который был вырван у меня силой, японцы при помощи угроз, нарушая все международные нормы, лишили меня права непосредственного общения с дружественными странами. Не признавая этот акт японцев, я назначил делегатов для того, чтобы поставить в известность державы об ущемлении моих прав японцами и об угрозе, которая нависла в настоящее время над моей страной, а также для того, чтобы восстановить непосредственные дипломатические отношения между моей страной и иностранными державами, на которые моя страна имеет право в силу своей независимости» [163, 277].

Однако корейской делегации не удалось добиться даже официального приема у министра иностранных дел Голландии Ван Тета, у которого они хотели получить разрешение участвовать в работе конференции. Тогда посланцы императора опубликовали в информационном бюллетене «Куриер дэ ля конференс» открытое письмо, адресованное ко всем делегатам конференции. В этом письме они называли себя посланцами корейского императора, подтверждая это наличием императорской печати на их верительных грамотах. Они указывали на то, что император является пленником японцев и поэтому не может открыто подтвердить их слова. Корейские делегаты заявляли о своем желании принять участие в конференции как полномочные представители Кореи. Они называли «договор» от 17 ноября недействительным и обвиняли японцев в жестоком обращении с корейским народом. Корейским делегатам все же не удалось получить приглашения на конференцию.

Устами лондонского «Таймс» англо-саксонские державы заявили, что «конференция занята колоссальной

работой и она не имеет времени рассматривать исчерпанные вопросы» [там же].

Это заявление показывает, что империалистические государства не хотели осложнять своих отношений с Японией и считали вопрос о судьбе Кореи решенным. Таким образом, попытка корейского императора апеллировать к Гаагской мирной конференции не дала никаких результатов. После того как император «потерпел фиаско в Гааге, у него уже не оставалось ни малейшей надежды на то, что помощь против японцев могла прийти из Европы или Америки» [там же].

В. И. Ленин по поводу Гаагской конференции писал: «Гаагская конференция и Корея!!!

Когда на 2-*ую* Гаагскую конференцию (открыта 15.VI.1907) явился корейский принц (Ю-Ионг) с жалобой на японцев и с декларацией независимости Кореи, то японцы прогнали императора Кореи, посадили на престол его сына и заключили с ним „договор" 24.VII.1907...» [15, 667].

Когда в Сеуле 3 июля 1907 г. стало известно о появлении корейской делегации в Гааге, японский генеральный резидент Ито Хиробуми немедленно отправился к императору и заявил ему, что «его [императора] намерение отказаться от японского протектората подобными коварными средствами представляет собой кратчайший путь к объявлению войны Японией» [102, 751]. Корейский император, напуганный этим заявлением, сказал, что ничего не знает об отправке делегации и что вся ответственность за это должна пасть на самих делегатов, а не на него. Тем не менее Ито ответил, что «ввиду сложности данной ситуации он передаст все это дело на решение своего правительства и будет ожидать его решения» [там же].

В этот же день Ито пригласил к себе премьер-министра ли Ванъёна и заявил ему, что поскольку корейский император пренебрег договором о протекторате, Япония имеет достаточно причин для того, чтобы объявить войну Корее. «Поэтому, — заявил Ито, — я советую вам как премьер-министру обратиться к императору с предложением отречься от престола» [там же].

Вслед за этим Ито отправил телеграмму японскому премьер-министру Саёндзи, в которой писал о том, что «вся ответственность за отправку корейской делегации

целиком ложится на императора» и что «этот поступок является проявлением враждебности по отношению к Японии и нарушением договора». Далее он указывал, что хотя корейский император продолжает оправдываться, но корейское правительство понимает серьезность положения и, по-видимому, произойдет отречение императора от престола. В этой телеграмме Ито рекомендовал японскому правительству заключить с Кореей новый договор, который отдаст в руки Японии внутреннее управление Кореи. Ито ссылался на то, что у корейского императора нет иного выхода, кроме отречения или поездки в Японию с извинением перед японским императором [102, 751—752].

По приказу Ито послушный ему кабинет Ли Ванъёна решил низложить корейского императора. 6 июля Ли Ванъён поспешно созвал заседание кабинета в присутствии императора. На этом заседании министр земледелия, торговли и промышленности Сон Бёнджун выступил с предложением о том, чтобы император лично поехал в Японию просить прощения у японского императора или чтобы в связанном виде он вышел за ворота дворца и отдался на милость командующего японскими войсками Хасэгава. Однако корейский император не собирался так легко согласиться на отречение и, не дав никакого ответа, разгневанный, покинул заседание кабинета.

В Японии известие о прибытии корейской делегации в Гаагу вызвало беспокойство в правящем лагере. Окума, руководитель буржуазно-помещичьей партии Симпото, заявил, что «если корейский император санкционировал подобный акт, лишенный здравого смысла, то его надо посадить под стражу как человека не в своем уме» [163, 278; 152, 418]. «Джапэн Мэйл» писала, что, по мнению японской прессы и политических партий, должны быть приняты такие меры, которые «не допустят повторения подобных инцидентов» [163, 278].

10 июля на совещании японского кабинета было принято решение «о еще большем расширении протектората над Кореей».

16 июля японское правительство официально заявило, что оно решило действовать «согласно мнению народа» и «займет в отношении Кореи решительную позицию» [163, 279].

Японский министр иностранных дел Хаяси Тадасу был послан в Корею для совещания с Ито Хиробуми.

В ночь на 17 июля кабинет министров Кореи принял решение об отречении императора от престола. Однако корейский император упорствовал.

18 июля, в день прибытия Хаяси в Сеул, Ли Ванъён созвал третье совещание министров с участием императора, которому снова было в категорической форме предложено отречься от престола. Император под давлением министров обещал принять решение после совещания со старейшими государственными деятелями.

В тот же день, 18 июля, состоялось секретное совещание старейших корейских государственных деятелей, которые посоветовали императору отречься от престола.

В это время многотысячные толпы корейцев собрались перед дворцом, где происходило заседание. Они выкрикивали: «Ваше величество, не давайте согласия на отречение от престола. Немедленно казните предателей государства!» Все лавки и магазины в Сеуле прекратили торговлю в знак протеста против действий Японии. Многие воинские части корейской армии вышли на улицу, приняли участие в антияпонских демонстрациях, нападали на японские полицейские участки. Однако, несмотря на это, 19 июля в 3 часа утра император Коджон был вынужден подписать заявление об отречении от престола в пользу своего слабовольного сына Сунджона [130, 361]. В нем, в частности, говорилось: «Покидая мой трон, я действовал согласно велению рассудка, и мой поступок не является результатом совета или давления извне. В течение последних десяти лет у меня было намерение передать управление государством наследному принцу, но из-за того, что не представлялась возможность, мои намерения оставались неосуществленными. Будучи уверен, что такая возможность наступила, я отрекся от престола в пользу сына. Делая такой шаг, я следовал естественному ходу событий; завершение этого дела принесет благополучие моей династии и стране. Однако я с сожалением вижу, что существует еще много моих невежественных подданных, которые, неправильно поняв мотивы моего поступка, испытывая чувство негодования, прибегают к насилию. Доверяя генеральному резиденту, я поручил ему подавить силой все возникающие беспорядки» [102, 760].

Японские власти надеялись, что такое заявление императора предотвратит взрыв народного возмущения. Однако, как только в Сеуле стало известно об отречении императора, все население вышло на улицы. Происходили настоящие уличные бои с японцами. Даже, по описанию известного японофила Ледда, в Сеуле возникали такие «беспорядки, каких не было в Корее с 1884 г.» [152, 426]. В Сеуле распоряжались японская полиция и жандармерия. Большая группа японских войск была размещена против императорского дворца, на главные ворота дворца были направлены пушки. Из Пхеньяна был вызван батальон пехоты, а из Йонсана — артиллерийский полк.

Гнев корейцев был направлен не только против японцев, но также против корейских министров и членов «Ильчинхве». Более тысячи корейцев обстреляли резиденцию Ли Ванъёна, и, «несмотря на все усилия японских солдат и жандармов, бо́льшая часть его резиденции была разрушена» [там же]. Восставшие разгромили также редакцию газеты «Кунмин синмун», органа «Ильчинхве».

Часть корейских солдат, выйдя из казарм, контролируемых японскими войсками, вступила с ними в вооруженную схватку. Лишь в одном Сеуле такое вооруженное столкновение беспрерывно продолжалось в течение семи дней.

Это выступление корейского народа было жестоко подавлено японскими войсками. Улицы Сеула были залиты кровью. Тысячи корейцев были арестованы и заключены в тюрьму.

Вскоре после отречения императора Коджона от престола, 24 июля 1907 г., с благословения нового корейского императора Сунджона Ли Ванъён, Сон Бёнджун и другие министры подписали новый японо-корейский «договор», по которому все внутреннее управление Кореи было передано в руки японского генерального резидента [22, 332].

В ве́дение генерального резидента поступали все государственные административные дела Кореи. Корейское правительство не могло без его согласия издавать законы и распоряжения, назначать и увольнять чиновников, принимать на службу иностранцев. На основании этого «договора» японцы назначались на посты вице-

министров во все корейские министерства. Эти вице-министры являлись одновременно советниками генерального резидента и руководили по его указанию деятельностью всех министерств. Таким образом вся власть в Корее фактически перешла в руки генерального резидента.

Естественно, что японские газеты, выражавшие мнение правящих кругов Японии, приветствовали новый японо-корейский «договор». Газета «Дзидзи симпо» писала, что генеральный резидент практически становится правителем Кореи и что власть, которую он получил, передаст в его руки все управление страной. «Тюо симбун» откровенно заявляла о том, что Ито удалось осуществить аннексию Кореи, избегнув этого названия. Газета «Хоти симбун» выступила с заявлением о том, что Япония, ранее захватившая в свои руки контроль над внешними сношениями, финансами и средствами связи Кореи, теперь взяла в свои руки руководство всем внутренним управлением страны [213, 3.VIII.1907].

После подписания японо-корейского «договора» от 24 июля 1907 г. японское правительство, опасаясь вооруженного сопротивления, решило расформировать корейскую армию. К тому времени корейские войска насчитывали около 8 тыс. солдат и офицеров [2]. Решение о роспуске корейской армии было принято в июле 1907 г. на тайном совещании генерального резидента Ито и командующего японскими войсками в Корее Хасэгава с премьер-министром Ли Ванъёном и военным министром Ли Бёнму.

1 августа 1907 г. в 8 часов утра около двух тысяч корейских солдат были собраны на учебном плацу у восточных ворот Сеула. К тому времени учебный плац был уже окружен плотным кольцом японских войск в несколько тысяч человек.

Военный министр Ли Бёнму зачитал «Императорский указ о роспуске армии». Смысл его заключался в том, что корейская армия является наемной, поэтому предстоит распустить ее и создать настоящую армию путем осуществления рекрутского набора [95, 141].

В это время со стороны южных ворот послышались звуки ружейно-артиллерийской стрельбы. Оказалось, что командир 1-го батальона 1-го пехотного полка в Сеуле Пак Сенхван, собрав свой батальон для оглашения импе-

раторского указа о роспуске армии, на глазах у солдат покончил жизнь самоубийством. Это явилось толчком к выступлению. Восставших поддержали остальные части столичного гарнизона. Солдаты захватили склады с оружием и боеприпасами. На улицах началась стрельба. Корейские солдаты нападали на японские учреждения, избивали и убивали японских чиновников. К восставшим присоединились рабочие, торговцы, женщины. Однако японским властям удалось подавить восстание корейских солдат в Сеуле. Около 800 корейцев было убито, ранено и арестовано.

Многие корейские офицеры и солдаты с оружием в руках покинули город и присоединились к действующим отрядам партизан. Такого же рода восстания происходили и в других городах Кореи.

Полное подчинение Японией внутреннего управления Кореи

Японские правящие круги понимали, что в глазах корейского народа император является своего рода символом независимости Кореи. Поэтому они стремились лишить императора даже видимости власти, надеясь, что это облегчит намечавшуюся аннексию Кореи.

На важнейшие посты при дворе корейского императора были назначены японские чиновники. К концу 1908 г. 27 японцев занимали официальные посты при дворе императора Кореи, а 12 из них находились на высших должностях.

По указанию японцев в конце ноября 1907 г. были введены новые правила, по которым только министр двора имел право обращаться непосредственно к императору. Это облегчало контроль за всей жизнью императорского дома, ибо теперь надо было следить не за многими лицами, имеющими доступ к императору, а за одним министром двора. Кроме того, число корейских придворных было сокращено на несколько тысяч человек[3].

И, наконец, в ноябре 1907 г. были созданы Бюро по пересмотру имущества императорского дома и Комитет по обследованию императорского и государственного имущества, якобы для того, чтобы решить, кому принадлежит имущество двора — императорскому дому или

государству, а на самом деле для передачи части движимого и недвижимого имущества императорского дома государству, т. е. японским властям. Причем Комитет состоял в основном из вице-министров двора, финансов и внутренних дел, которыми являлись японцы.

Таким образом, корейский император превратился в простую марионетку в руках Японии, будучи лишен всякой власти не только в области управления страной, но даже в самом императорском доме, где он являлся, по существу, пленником и не мог даже свободно распоряжаться своим имуществом.

После заключения «договора» от 24 июля 1907 г. Япония, стремясь подчинить все внутреннее управление Кореи, охватывает сетью своих чиновников все центральные и провинциальные органы власти в стране.

По официальным японским данным, в конце 1907 г. в корейском центральном государственном аппарате 40,7% всех служащих (2090 человек) составляли японцы [42, 42][4].

Большое количество японских чиновников было назначено и во все местные органы власти Кореи. В частности, в каждой провинции имелся японский резидент. Кроме того, японцы назначались на должности секретаря губернатора, главного полицейского инспектора, клерков.

Японские секретари губернаторов провинций должны были «помогать» губернатору управлять провинцией и заменять его во время отсутствия или болезни. Однако в действительности эти секретари вмешивались во все дела провинции, ведали вопросами религии, просвещения, общественных работ, развития промышленности и др. Главные полицейские инспектора в провинциях (японцы) занимались вопросами полиции, эмиграции, переписи и т. д.

Таким образом, со второй половины 1907 г. все центральные и провинциальные корейские органы власти стали постепенно переходить непосредственно в руки японцев, которые сами решали вопросы государственного управления.

В конце июля 1907 г. японские правящие круги заставили корейское правительство назначить на все высшие судебные должности японцев.

27 декабря 1907 г. корейское правительство издало постановление об изменении судебной системы страны

и создании 127 судов: кассационного, или Верховного, суда в Сеуле; апелляционных судов в Сеуле, Пхеньяне, Тэгу; восьми провинциальных судов, из которых один в Сеуле, остальные в семи из двенадцати провинциальных центров, и 115 уездных судов.

Согласно этому постановлению в Корее учреждалась такая же, как в Японии, судебная система трех инстанций. Первой инстанцией являлись местные суды (провинциальные и уездные), в которых слушались гражданские и уголовные дела. Из местных судов дела поступали в апелляционный, который являлся второй судебной инстанцией, а оттуда в кассационный суд как в третью инстанцию [52, 60]. Японские чиновники назначались: в кассационном суде — на должности главного судьи, главного прокурора, двух судей и пяти клерков; в апелляционных судах — на должности главного судьи, двух судей, главного прокурора, помощника прокурора и пяти клерков; в провинциальных судах — на должности главных судей, старших прокуроров, судей и клерков; в уездных судах — на должности судей и клерков.

К концу 1908 г. из 178 судей японцев было 113, корейцев — 65, а из 57 прокуроров японцев — 45, а корейцев — 12.

Но даже такое положение дел не удовлетворяло японские правящие круги. Под их нажимом 12 июля 1909 г. в Сеуле был подписан официальный меморандум о передаче всей судебной системы Кореи в ведение японского правительства [219, 31.VII.1909].

В меморандуме указывалось, что отправление «правосудия» в Корее и тюремное ведомство «перепоручены корейским правительством японскому» до завершения реорганизации судебной и системы тюрем в Корее. Право назначения судей предоставлялось только генеральному резиденту.

В меморандуме заявлялось, что договор заключен для защиты личности и собственности не только корейских подданных, но также подданных и граждан иностранных держав в Корее.

Захват всей судебной системы Кореи имел для Японии особое значение, так как теперь японцы могли свободно ставить вопрос перед иностранными державами об отмене прав экстерриториальности.

Указом японского императора от октября 1909 г. под

контролем японского генерального резидента было создано Бюро, которому поручалось управление всей судебной системой и тюрьмами в Корее, а японские органы, осуществлявшие контроль над корейской судебной системой, были упразднены. Была также вновь реорганизована судебная система в Корее. По указанию генерального резидента к 1 ноября 1909 г. в Корее были созданы: 1 Верховный (кассационный) суд, 3 апелляционных, 8 провинциальных, 9 филиалов провинциальных судов и 103 уездных суда.

Японцы постепенно вытеснили корейцев из судебных органов. В 1909 г. из 279 судей в Корее японцев было 192, а корейцев — 87 (соответственно 69 и 31%). Из 63 прокуроров в Корее японцев было 57, а корейцев — только 7 (соответственно 89 и 11%) [55, 36].

Необходимо отметить, что из трех судей на судебном заседании двое могли быть корейцами, но третий должен был быть японцем, который всегда являлся председателем суда, имевшим право вето.

Японский генеральный резидент управлял Кореей железной рукой, о чем свидетельствует интенсивная деятельность судебных органов. По данным генерального резидента, в Корее в течение 1909 г. в судах было разобрано 36 794 дела. При этом необходимо учитывать, что официальные японские данные явно преуменьшены. В число зарегистрированных судебных дел, несомненно, не включались тысячи случаев кровавой расправы на месте «преступления».

Число гражданских дел после перехода всей судебной системы в руки японцев заметно сократилось, тогда как количество уголовных преступлений резко возросло. Совершенно очевидно, что большая часть последних была порождена японским колониальным режимом в Корее. Повергнув корейцев в нищету, толкая их на преступления, вызванные нуждой, японский суд жестоко расправлялся с ними. Японские власти грабили корейцев на «законном» основании, но попытки корейцев вернуть награбленное расценивались как правонарушение. Из года в год число заключенных в тюрьмах корейцев возрастало. Если в 1907 г. их было 1104 человека, то в 1909 г. — около 6 тыс., а в 1911 г. — около 8 тыс. [52, 38; 55, 38].

В период японского протектората (до 1909 г.) тюрьмы в Корее формально находились в ведении корейского

правительства, но фактически с середины 1907 г. они уже перешли в руки японских властей. По договору от 24 июля 1907 г. контроль над тюрьмами и судами перешел от главного полицейского инспектора и губернаторов провинций к министру юстиции и прокурорам апелляционных судов. В течение 1908 г. в Корее было открыто восемь новых тюрем. На должности тюремных инспекторов назначались японцы.

Полиция в руках японской администрации была не менее эффективным орудием угнетения корейского народа, чем суды и тюрьмы.

29 октября 1907 г. между японским генеральным резидентом и корейским премьер-министром было подписано соглашение, по которому японские полицейские силы при аппаратах японских провинциальных резидентов сливались с корейскими полицейскими силами.

При этом в соглашении обусловливалось, что все полицейские дела, касающиеся японских подданных в Корее, будут разбираться только под контролем японских резидентов или других японских властей. На высшие полицейские должности (начальника столичной полиции и полицейских инспекторов в провинциях) назначались только японцы.

Согласно постановлению министерства внутренних дел Кореи от декабря 1907 г. был создан полицейский департамент, который должен был заниматься общим руководством полицией и выполнять высшие полицейские функции, такие, как цензура печатных материалов, перепись населения и решение вопросов, связанных с эмиграцией. По этому постановлению полицейская система в Корее была преобразована следующим образом: 8 отделений полиции, 4 филиала этих отделений и 40 полицейских участков находились под контролем столичного полицейского департамента, а 20 отделений полиции, 39 филиалов и 297 полицейских участков располагались в провинциях. 27 июля 1908 г. было издано новое постановление министерства внутренних дел, вновь изменявшее структуру полицейской системы в Корее. В каждой провинции создавалось полицейское управление, в ведение которого переходил контроль над полицией в провинциях. Начальник полицейского департамента имел право давать указания начальникам провинциальных управлений полиции, когда «немедленные действия необходимы

для восстановления порядка в стране» [52, 73]. Было изменено количество отделений полиции и полицейских участков, имевшихся в стране. Так, под контролем центрального полицейского департамента вместо 8 отделений полиции стало 5, вместо 4 филиалов этих отделений стало 2 и вместо 40 полицейских участков — 3. В то же самое время в провинциях вместо 20 отделений полиции стало 65, вместо 39 филиалов — 1 и вместо 297 участков — 336 [там же].

Кроме многочисленных полицейских сил в Корее имелась большая жандармерия, как японская, так и корейская. Корейские жандармские силы были созданы в 1908 г., так как японская жандармерия не могла справиться с мощной волной вооруженной борьбы корейского народа.

Причем численность жандармерии в целом непрерывно росла. В 1908 г. жандармские силы насчитывали 6608 человек, а в 1909 г. — 6761 (2369 японцев и 4392 корейца) [см.: 55, 43]. Если в 1908 г. численность полицейского и жандармского корпусов составляла 11 598 человек, то в 1909 г. — 12 097.

Рост полицейского и жандармского корпусов в Корее был вызван стремлением японских властей подавить национально-освободительное движение корейского народа, принимавшего в эти годы все больший размах.

В конце 1908 г. общее количество полицейских в Корее составляло 4990 человек, из которых японцев было 1862, корейцев — 3128, а в конце 1909 г. из 5336 полицейских японцев было 2077 человек, корейцев — 3259. Однако японцы в полиции занимали высшие должности начальника полиции и полицейских инспекторов. Так, на 1908 г. из общего количества полицейских инспекторов в стране — 41 японцев насчитывалось 24, корейцев — 17, т. е. удельный вес японцев среди полицейских инспекторов равнялся 58,5%, а среди всех полицейских сил составлял около 28%. В 1909 г. из 47 полицейских инспекторов было 36 японцев и только 11 корейцев [55, 42].

Японские правящие круги ставили своей целью подчинить общественную жизнь Кореи. С этой целью 24 июля 1907 г. по приказу японских властей корейское правительство издало закон о прессе. Согласно этому закону корейский министр внутренних дел мог запретить издание любой газеты, если находил, что она «нарушает об-

щественное спокойствие». На издание газеты необходимо было получить разрешение министра внутренних дел и внести 300 иен. В случае опубликования материалов, которые министр внутренних дел считал «нарушающими общественное спокойствие», номер газеты конфисковывался, а издатель подлежал тюремному заключению до 10 месяцев и штрафу в 300 иен. Если же в газете публиковался материал, «унижающий достоинство императорского дома или вредный для внутреннего управления», издатель осуждался на каторгу до трех лет, а газета запрещалась.

Этот закон сначала относился только к газетам, издаваемым в Корее на корейском языке. Однако в Корее издавалась на английском языке газета «Кориа Дэйли Ньюс», принадлежавшая антияпонски настроенному англичанину Бэсселлу, которая использовалась корейскими патриотами, помещавшими в ней статьи с резкой критикой в адрес японских властей. Кроме того, в Корею проникали газеты и литература, издаваемые корейцами во Владивостоке, на Гавайских островах и в Сан-Франциско. Эти газеты часто публиковали антияпонские статьи, которые призывали корейцев к борьбе за свободу.

В связи с этим по требованию генерального резидента корейское правительство 20 апреля 1908 г. внесло дополнение в закон о прессе. Оно сводилось к тому, что министр внутренних дел мог запретить продажу или распространение в Корее любых газет и литературы, издаваемых корейцами за границей, а также издаваемых иностранцами в Корее, если они «нарушают общественное спокойствие» [55, 48—49].

В феврале 1909 г. в Корее был издан еще один закон о прессе, касающийся книг и других печатных изданий, по которому право на опубликование любого печатного материала должно было быть получено от корейского министра внутренних дел. В противном случае издатель приговаривался к каторжным работам от 10 месяцев до 3 лет или к штрафу до 100 иен. При этом изданные книги запрещались и конфисковались. К началу 1910 г. газеты, издаваемые в Корее и за границей, подвергались конфискации более 250 раз. Число конфискованных экземпляров достигало 81 062 [55, 87].

Японские власти препятствовали созданию общественных организаций и проведению собраний в Корее.

В июле 1907 г. по их настоянию корейское правительство издало «Закон о поддержании общественного спокойствия». По этому закону корейский министр внутренних дел был уполномочен распустить любую организацию, если находил, что ее деятельность «нарушает общественное спокойствие» в стране. Полицейские власти получали право в «целях поддержания общественного порядка» разгонять любые собрания и демонстрации корейского народа [55, 49]. За несколько дней до аннексии в Корее были распущены вообще все политические организации.

Японские правящие круги считали одной из своих основных задач духовное порабощение корейского народа и уничтожение корейской национальной культуры. С этой целью они стремились захватить в свои руки систему образования в Корее, чтобы использовать ее как орудие духовного порабощения корейского народа. В период протектората одним из первых мероприятий японского правительства было назначение японского советника по просвещению при корейском императоре.

В сентябре 1908 г. корейское правительство по указанию японцев издало указ о частных школах, по которому их можно было открывать только с разрешения министерства просвещения. Часть школ была закрыта, а над другими установлен строжайший контроль.

Японские власти стремились воспитать из корейских детей верноподданных японской империи, поэтому в период протектората они сделали японский язык обязательным предметом изучения в корейских школах.

Многочисленные японские учителя в корейских школах внушали детям, что корейский язык является всего-навсего ветвью японского и что в Корее никогда не существовало самостоятельной культуры и своего национального языка.

Расходы на просвещение в конце протектората составили всего 0,6 млн. иен, что было в 11 раз меньше, чем расходы на суды, тюрьмы и полицию [55, 180].

В конце 1909 г. в Корее функционировало около двух тыс. начальных школ, в том числе субсидируемых правительством 134 школы, где обучалось всего 16 тыс. человек[5] [55, 144—153].

Однако, несмотря на все усилия, Японии не удалось уничтожить многовековую культуру корейского народа и подавить национальное самосознание корейцев.

Политика США, Англии и России в отношении аннексии Кореи Японией[6]

Соединенные Штаты Америки не только накануне установления японского протектората в Корее, но и после 1905 г. продолжали играть роль активного пособника японской агрессии. Чтобы каким-то образом обосновать и оправдать свою сделку с Японией, американские правящие круги (как и японские) выдвинули «теорию» о «неспособности» корейского народа к самостоятельному управлению.

В октябре 1907 г. военный министр США Тафт в своем официальном заявлении в Токио призвал Японию полностью подчинить Корею. Он заявил, что Япония «на законном основании предприняла реформы в соседней стране, дурно управляемой на основе методов XV века». «Князь Ито и японское правительство, — сказал он, — проводят в Корее политику, имеющую целью обеспечение справедливости, цивилизации и благополучия отсталого народа. Мы живем в эпоху, когда вмешательство более сильного государства в дела народа, не способного создать правительство, устанавливающее законы и порядок с целью помочь тому народу создать лучшее правительство, становится национальным долгом и служит прогрессу» [183, 23].

Речь Тафта, как указывал японский журнал «Тайё», «произвела в Японии хорошее впечатление», так как свидетельствовала о полной поддержке США японской политики в Корее [211, 1.XI.1907].

В ноябре 1908 г. между США и Японией состоялся обмен нотами («Соглашение Рут — Такахира»). Обе стороны договорились «уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них», на Тихом океане, а под такими владениями надо, конечно, понимать Тайвань, Корею и Филиппины [124, 292; 48, 92].

В сентябре 1909 г. на банкете, данном президентом Тафтом в честь японской торговой делегации, Тафт, не называя Корею, дал понять японцам, что США не собираются мешать Японии пожинать «плоды» русско-японской войны. Он превозносил успех японских военных сил в период войны 1904—1905 гг., когда «страна боролась с целью защиты своих прав и сохранения престижа на поле брани. Но сегодня Япония борется для побед на

мирном поприще, и мы все надеемся, что она будет иметь успех» [164, 150].

Таким образом, В. Тафт продолжал политику своего предшественника — Т. Рузвельта, поощряя экспансионистские устремления Японии. Всемерное поощрение и одобрение японской политики подчинения Кореи, однако, отнюдь не опровергает того факта, что между США и Японией существовали и обострялись империалистические противоречия.

Стремясь придать своим агрессивным действиям в Корее «легальные формы», Япония оставалась верной принятой еще до войны тактике согласования корейской проблемы с Соединенными Штатами и Англией.

Уже весной 1909 г. Япония добилась согласия Великобритании на аннексию Кореи [211, 1910, № 12, 21].

В беседе с японским послом в Лондоне 14 июля 1910 г. английский министр иностранных дел Эдуард Грей выразил вполне определенное согласие Англии на аннексию Кореи, обусловив это лишь сохранением Японией прежних таможенных тарифов в Корее.

Официальное одобрение аннексии Кореи Японией правящими кругами Англии было выражено в телеграмме Грея английскому послу в Токио: «Политика Японии направлена на сохранение мира на Востоке. Корея часто становилась причиной беспорядков и принуждала Японию к войне. Мир на Востоке и спокойствие Кореи настолько важны для Японии, что она сочла необходимым установить протекторат над Кореей. Однако спокойствие все же не было достигнуто, и поэтому японское правительство решило теперь провести радикальные реформы для предотвращения будущих трудностей и пришло к выводу, что Корея должна быть аннексирована» [41, 491].

В августе 1910 г. (до провозглашения аннексии) текст «договора» об аннексии был заранее сообщен правительству США [89, 233]. Только получив одобрение США, Япония решилась на его опубликование. Следовательно, ответственность за аннексию Кореи падает также на США и Англию.

Подготовляя аннексию Кореи, Япония нуждалась в санкции России, так как подобные действия не были предусмотрены Портсмутским договором. В 1907 г., во время переговоров о русско-японском политическом со-

глашении, японцы вновь потребовали свободы действия в Корее.

Но русское министерство иностранных дел в это время не согласилось дать санкцию на аннексию Кореи.

Во время русско-японских переговоров 1909—1910 гг. Япония, предложив России заключение союзного договора, не ставила вопроса о Корее, очевидно рассчитывая решить этот вопрос в дальнейшем, когда Россия примет предложение о союзном договоре. Однако Россия холодно отнеслась к предложению о союзном договоре и сама предложила обсудить положение в Корее. Это вызвало недовольство японцев, которые в последующих переговорах сняли предложение о союзе, настаивая лишь на подтверждении и некотором расширении политического соглашения 1907 г. [183, 23].

В результате переговоров с Россией и заключения соглашения от 4 июля 1910 г. [21, 176] Японии так и не удалось полностью добиться ее официального согласия на аннексию Кореи, так как это противоречило империалистическим интересам царской России на Дальнем Востоке [183, 23]. Тем не менее Россия вынуждена была пойти на определенные уступки Японии в корейском вопросе, в связи с чем В. И. Ленин, оценивая июльское соглашение 1910 г., писал: «VII.1910: Россия и Япония заключают договор: „обмен" Кореи на Монголию» [5, 669].

Подъем национально-освободительного движения в Корее в период протектората[7]

Установление японского протектората вызвало в Корее мощный подъем национально-освободительного движения, которое охватило широкие слои народа. Во многих районах оно носило характер длительной и упорной партизанской борьбы. Огромное влияние на развитие национально-освободительного движения в Корее оказала героическая борьба русского народа против царского самодержавия в 1905—1907 гг. Идеи русской революции 1905—1907 гг. пробуждали народные массы Кореи, звали их к активному сопротивлению Японии.

«Русская революция, — писал В. И. Ленин, — вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживаю-

щееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо» [17, 326].

С 1905 г. усилилось движение среди корейской интеллигенции, состоящей из представителей разорившегося дворянства и национальной мелкой и средней буржуазии. Это движение, которое зародилось в Корее в конце XIX в., по своему характеру было буржуазно-реформистским, культурно-просветительским. Возник целый ряд антияпонских организаций и просветительских обществ. В мае 1905 г. было создано общество «Хонджон ёнгухве» («Общество изучения конституционного строя»), которое требовало расширения прав народа и введения конституции. В ноябре 1905 г. был создан «Тэхан куракпу» («Корейский клуб»), а в феврале 1906 г. — общество «Тэхан чаганхве» («Общество укрепления Кореи»), которое стало самым крупным патриотическим обществом в стране. Большую роль в культурно-просветительском движении играло образованное в январе 1908 г. общество «Собук хакхве» («Северо-западное просветительское общество») и др. [91, 25; 65а, 407—410].

Эти организации выступали под лозунгами: «Независимость и самостоятельность», «Представительное управление народу» и т. д. Они стремились поднять корейский народ на борьбу за государственный суверенитет, за национальную независимость. Кроме того, они развернули борьбу против предательской деятельности общества «Ильчинхве».

В период японского протектората во всех провинциях Кореи создавались многочисленные просветительские организации, женские и молодежные просветительские общества и научные ассоциации, которые развернули широкую пропагандистскую работу, издавали газеты и журналы. Наиболее значительными изданиями являлись ежемесячные журналы «Чаганхве вольбо», «Соу», «Сонён ханбандо» и газеты «Тоннип синмун», «Чогук синмун», «Хвансон синмун» и др. Они разоблачали преступную политику японцев и призывали к развитию промышленности и национальной культуры.

Под влиянием культурно-просветительского движения в Корее стали создаваться многочисленные частные школы, которые ставили своей задачей ликвидацию неграмотности среди населения. Из созданных просветителями школ особенно боевым антияпонским настроением отли-

чались школы в Сеуле, Пхеньяне, Анджу, Канхва, Чхонджу, из которых вышло немало активных деятелей антияпонского движения.

Входящие в просветительские организации представители низшего дворянства и нарождающейся корейской буржуазии не ставили своей задачей вооруженную борьбу с Японией и внутренней реакцией. Они не имели четкой политической программы, им были чужды революционные методы борьбы. Однако деятельность просветителей имела положительное значение, поскольку их пропагандистская деятельность способствовала пробуждению национального самосознания корейского народа.

Ярким выражением решимости корейского народа бороться за независимость родины против японского протектората явилось национально-освободительное движение «Ыйбён» («Армия справедливости»), которое представляло собой организованное вооруженное сопротивление корейских народных масс японским колонизаторам.

Партизанская армия «Ыйбён», состоявшая из представителей различных слоев населения, не имела ни централизованного руководства, ни программы, однако завоевала большой авторитет в корейском народе.

Основную силу национально-освободительного движения составляли крестьяне, положение которых в связи с иноземным вторжением все больше ухудшалось. Они целыми семьями поднимались на борьбу против своих угнетателей, вступая в ряды «Ыйбён». Наряду с крестьянами, а также рабочими, число которых в этот период было очень незначительно, в партизанском движении активно участвовала городская беднота. К ним примыкали вытесненные со своих мест мелкие корейские чиновники, разорившиеся торговцы, кустари, ремесленники и представители других слоев населения. С января по июнь 1906 г. партизанские отряды появились в 40 уездах южных провинций [65а, 399]. Одним из самых крупных вооруженных выступлений против установления японского протектората явилось восстание в пров. Южная Чхунчхон, вспыхнувшее в мае 1906 г. Повстанцы, которых насчитывалось более 500 человек, возглавляемые бывшим корейским чиновником Мин Джонсиком, провозгласили своей целью освобождение страны от японских захватчиков [91, 40—41]. Были созданы вооруженные отряды, которые громили японские учреждения. Восстание охва-

тило все уезды провинции. Интересно отметить, что восставших поддерживало не только население провинции, но и местные корейские власти, оказывая им помощь оружием и деньгами. Восставшим удалось занять город Хонджу и удерживать его более 10 дней. Однако посланные японскими властями войска, жандармские и полицейские части окружили город. Восстание было подавлено. Мин Джонсика арестовали и приговорили к смертной казни, которая затем была заменена пожизненной каторгой.

В июле 1906 г. вспыхнуло восстание в пров. Южная Чолла, во главе которого стоял крупный ученый-конфуцианец Чхве Икхён. Хотя число повстанцев вначале не превышало 450 человек, им удалось захватить несколько уездов. Они разослали по всей стране прокламации, призывая корейский народ к борьбе за независимость родины. Вскоре отряды Чхве Икхёна объединились с отрядом деревенского старосты Лим Бёнчхана. Восстание длилось более месяца, несмотря на то что на его подавление были направлены японская жандармерия и корейские правительственные войска.

Движение «Ыйбён» развернулось с новой силой после насильственного свержения корейского императора, роспуска корейской армии 1 августа 1907 г. и присоединения к национально-освободительному движению расформированных солдат. Как говорилось ранее, восстание корейских солдат не ограничилось только выступлением в Сеуле. 5 августа 1907 г., во время роспуска гарнизонов в пров. Канвон, 250 солдат во главе с офицером Мин Гынхо подняли восстание, объединившись с гражданским населением.

Одновременно в августе 1907 г. было поднято восстание на о-ве Канхва в пров. Кёнги. Солдат поддержало население острова.

Распущенная армия разбрелась по Корее. Восстания вспыхнули в Чхунджу, Чхечхоне, Йоджу и других местах, В этих выступлениях участвовали широкие слои корейского народа.

Повсюду создавались партизанские отряды от 100 до 600 человек, которые нападали на отделения и посты японской жандармерии, на узловые пункты связи, убивали прояпонски настроенных чиновников и членов «Ильчинхве», уничтожали их имущество. Ненависть пар-

тизан к членам «Ильчинхве» была так же велика, как и к японским властям. Об этом можно судить по тому факту, что с сентября 1907 г. по август 1908 г. партизанами было убито 966 членов общества «Ильчинхве» [91, 54].

Лишь за два месяца — с августа по конец сентября 1907 г. — движение «Ыйбён» охватило пров. Канвон, Кёнги, Чхунчхон, территорию к востоку от Сеул-Пусанской железной дороги вплоть до Японского моря, а также южные районы пров. Южная Кёнсан, Южная Чолла, Северная Чолла.

В конце 1907 г., когда партизанская борьба вступила в период наибольшего подъема, в пров. Кёнги, Канвон, Хванхэ не было ни одного уезда, не охваченного восстанием.

С целью организации удара по Сеулу, ликвидации аппарата генерального резидента и отмены «договора» о протекторате в декабре 1907 г. в районе Янджу был создан руководящий центр «Ыйбён» во главе с командующим Ли Инёном [8] и начальником штаба Хо Ви [9]. Однако объединить разрозненные партизанские отряды, действующие в Корее, не удалось.

Но, несмотря на это, вооруженная борьба в Корее разрасталась. В районах действия «Ыйбён» была прервана связь, многие прояпонски настроенные чиновники были убиты, а деятельность государственных учреждений серьезно дезорганизована. 26 октября 1907 г. газета «Хвансон синмун» писала: «В местностях, где в последнее время свирепствуют волнения, чиновники сбежали со своих постов, поэтому не осуществляются все налоговые, почтовые, судебные и просветительные функции... правительственные распоряжения не доходят до народа» [189, 37]. Далее указывалось, что губернаторы и другие чиновники, назначенные для борьбы с восстанием, испытывают крайние трудности и просят об отставке.

Национально-освободительная борьба всерьез обеспокоила японские власти. Они резко усилили карательные мероприятия. Во всех 13 провинциях были значительно увеличены полицейские силы, а в ряде районов созданы «охранные отряды» для борьбы с корейским народом и так называемые отряды подавления восстаний, которые беспощадно расправлялись с корейскими патриотами. Большую помощь японцам оказывали предатели из общества «Ильчинхве» и насильственно создаваемые влас-

тями для борьбы с «Ыйбён» так называемые группы самозащиты («Чавидан»), которые засылали в партизанские отряды своих агентов, шпионов, провокаторов, чтобы изнутри разлагать их и ослаблять.

Для подавления движения «Ыйбён» японцы применяли «тактику выжженной земли». Только за 5 месяцев, с августа по декабрь 1907 г., в одной лишь пров. Северная Чхунчхон было сожжено 1078 домов и 45 сельских школ, а в пров. Канвон — 352 дома [189, 62]. Всего в 1907 г., по явно заниженным официальным данным, произошло 322 вооруженных столкновения «Ыйбён» с японскими солдатами и полицией, в которых участвовало уже около 44 тыс. человек [65а, 401].

1908 год ознаменовался новым подъемом национально-освободительного движения в Корее, который характеризовался известным ростом организованности (попытка создания руководящего центра «Ыйбён»), а также усилением антифеодальных выступлений, направленных как против японских, так и корейских помещиков.

В пров. Южная Хамгён корейский патриот Хон Бомдо создал так называемые отряды храбрецов, совершавшие налеты на японцев.

В провинциях Кёнги, Канвон и Хванхэ повстанцы выступали под лозунгом: «Борьба за торжество справедливости» — и даже выпустили свои денежные знаки. Они собирали с богатых крестьян денежные взносы, которые шли на содержание партизан, останавливали баржи с рисом, разрушали коммуникации, связь, нападали на японские дома и учреждения.

В пров. Северная Хамгён под руководством Ли Бомджуна, вернувшегося из России корейского эмигранта, действовал большой отряд, называемый «Северокорейской армией».

В 1908 г., только по данным японского военного командования, число вооруженных столкновений превысило 800, а число повстанцев — 50 тыс. человек [91, 59; 190, 468].

По данным же советских историков, общее количество вооруженных столкновений превышало 1400 [190, 468], и с августа 1907 г. по декабрь 1908 г. в них участвовало 113 948 повстанцев [79, 37].

В секретных «Записках о подавлении восстаний в Корее», составленных штабом японского командования в

Корее, указывалось, что, «несмотря на поощрение участников подавления беспорядков, проводившихся еще с осени прошлого года, восстания в 1908 году продолжались с большой силой» [93, 22].

Японцы приняли самые жестокие меры для подавления восстаний. Из Японии прибывали все новые и новые карательные войсковые и жандармские части. Происходили массовое истребление партизанской армии и жестокая расправа не только с повстанцами, но и с мирным населением охваченных волнениями районов. Командующий японской оккупационной армией генерал Хасэгава обратился к населению Кореи с требованием немедленно прекратить борьбу, угрожая применением еще больших репрессий.

В заявлении говорилось следующее: «Я, генерал, барон Хасэгава Ёсимити, командующий оккупационной армией в Корее, обращаюсь ко всем корейцам, в какой бы провинции они ни проживали... Я призываю вас, послушных жителей Кореи, продолжать свои мирные занятия и избавиться от страха. Что касается тех, кто присоединился к мятежникам по своему заблуждению, то, если они искренне раскаются и немедленно капитулируют, они будут амнистированы. Каждый из вас, кто схватит мятежников или сообщит их местонахождение, будет щедро вознагражден. Но те, кто добровольно присоединится к мятежникам, предоставит им убежище или спрячет оружие, будут строго наказаны. Более того, деревни, выходцами из которых являются мятежники, понесут коллективную ответственность и будут сурово наказаны. Я призываю каждого корейца ясно понять мои слова и избегать действий, достойных порицания» [166, 41—42; 147, 135—136].

Генерал Хасэгава привел в исполнение свою угрозу. Японские охранные отряды и жандармско-полицейские части сжигали целые деревни, уничтожали храмы, где скрывались восставшие.

Английский журналист Маккензи, свидетель действий карательной армии, рассказывает, что это была гнусная и жестокая кампания, которая где-либо имела место в нашем веке. На его пути встречались районы, в окрестностях которых действовали партизаны, где $^4/_5$ всех крестьянских домов было сожжено, а население пряталось в горах. Мирные жители разрушенных селений, не успев-

шие вовремя спрятаться, были заколоты штыками, расстреляны, изуродованы [149, 147]. Никому не было пощады: ни старикам, ни детям.

Из такой беспощадной расправы японцев с мирным населением Кореи ясно можно представить, какова была расправа с самими партизанами. Издаваемая японцами газета «Сеул пресс», касаясь методов управления Кореей, писала: «Современность требует управления железной рукой, чтобы обеспечить длительный мир и порядок в этой стране. Нет недостатка в доказательствах, показывающих усиливающееся недовольство против нового положения вещей, которое бродит среди части корейцев в настоящее время... Япония ставит своей задачей в этой стране покровительствовать счастью народных масс (?)... Она должна быть готова принести в жертву любого, кто ставит помехи на этом ее пути. Имеется лишь один путь управления этим народом — это суровые и безжалостные методы» [166, 42].

Однако, несмотря на все эти меры японских властей, восстания в Корее продолжались в течение всего 1909 г., хотя число участников сократилось по сравнению с 1908 г. в 2,5 раза [65а, 405].

Всего в 1909 г. произошло 953 вооруженных столкновения, в которых участвовали 27 653 повстанца [79, 38]. В 1910 г. выступления «Ыйбён» были уже менее значительными. Всего зарегистрировано 147 столкновений, в которых участвовал 1891 человек [190, 471; 79, 58].

Японские власти подавили национально-освободительную борьбу корейского народа с исключительной жестокостью. За период 1906—1911 гг. повстанцы потеряли убитыми 17 779 человек, ранеными — 3706 человек, взято в плен было 2139 человек [93, 30; 65а, 404].

Основные силы «Ыйбён» были разгромлены. Значительная часть партизан была уничтожена, некоторые повстанцы отошли от движения. Таким образом, последнее препятствие, стоявшее на пути превращения Кореи в колонию Японии, было устранено.

Аннексия Кореи

Подготовка аннексии составляла основу всей политики японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми в период 1905—1909 гг. К середине 1909 г. япон-

ские правящие круги решили, что подготовительные мероприятия уже создали необходимые условия для окончательного присоединения Кореи к японской империи.

10 апреля 1909 г. в Токио состоялось сугубо секретное совещание между японским премьер-министром Кацура, министром иностранных дел Комура и прибывшим в Японию Ито Хиробуми. Предметом обсуждения был вопрос об окончательном присоединении Кореи к японской империи. Эти три японских государственных деятеля приняли единогласное решение о том, что только аннексия сможет «разрешить корейскую проблему» [61, 153].

6 июля 1909 г. на заседании японского кабинета было принято официальное решение об аннексии Кореи [там же]. При этом в постановлении указывалось, что при осуществлении этого решения следует учитывать сопротивление корейского народа. Это означало, что Япония опасалась подъема национально-освободительной борьбы в Корее.

Решение кабинета министров немедленно получило санкцию японского императора.

Огромную роль в подготовке аннексии Кореи сыграл первый генеральный резидент Ито Хиробуми, заслуживший ненависть корейского народа. Однако в японской печати Ито всегда выставлялся поборником независимости Кореи [218, 4.XI.1909]. Поэтому для осуществления акта аннексии кандидатура Ито была неподходящей, нужен был человек, не связанный обещаниями защищать ее независимость. В мае 1909 г. Ито ушел в отставку под предлогом назначения на пост председателя Тайного совета в Японии, а генеральным резидентом в Корее временно был назначен виконт Сонэ [219, 19.VI.1909].

В октябре 1909 г. Ито Хиробуми был убит в Харбине активным участником движения сопротивления, молодым корейским патриотом Ан Джунгыном. Когда стрелявшего в Ито молодого корейца схватили, он сказал: «Я достиг своей цели — я отомстил за мою родину» [там же] [10].

Убийство Ито не привело к немедленной аннексии Кореи, так как японское правительство не желало создавать впечатления, что аннексия — акт мести. Японская печать всячески опровергала мысль о том, что в связи с убийством Ито политика Японии в Корее может измениться [79, 49].

В 1909 г. японские правящие круги, опасаясь усиления народного антияпонского движения, а также до заключения нового соглашения с Россией, о котором велись переговоры, еще не решались осуществить аннексию Кореи.

Японские власти решили использовать своего пособника — общество «Ильчинхве» и сделать пробный шаг к окончательному присоединению Кореи.

Один из руководителей этого общества, Сон Бёнджун, еще в феврале 1909 г. прибыл в Японию и повел кампанию за присоединение Кореи. 4 декабря 1909 г. председатель «Ильчинхве» Ли Ёнгу посетил японского генерального резидента Сонэ и вручил ему петицию, в которой говорилось следующее: «В настоящее время Корея является только по названию независимым государством, и если мы передадим Японии внешнее и внутреннее управление, то мы добьемся счастья народа» [105, 244]. Одновременно Ли Ёнгу направил меморандум такого же содержания японскому императору и послание корейскому премьер-министру Ли Ванъёну. Предатели корейского народа — главари «Ильчинхве» лживо утверждали, что миллион членов «Ильчинхве» [11] хочет слияния Японии и Кореи и что аннексия нужна для благополучия Кореи.

Меморандум этого общества был использован японцами для пропаганды того, что сами корейцы желают присоединения своей страны к японской империи.

Действия японского правительства в отношении Кореи во многом напоминали действия США в отношении Гавайских островов. Этого не отрицали и сами японцы. В интервью, данном представителям японской прессы, бывший японский министр иностранных дел Хаяси заявил, что настоящее положение Кореи аналогично положению Гавайских островов до присоединения их к Америке. Как «Ильчинхве» в Корее, так и в свое время на Сандвичевых островах временное республиканское правительство (состоящее из ставленников США) высказалось за присоединение их к США.

После опубликования меморандума «Ильчинхве» по всей стране поднялось сильное возмущение и многие члены общества были вынуждены бежать в Сеул, под защиту японцев. Этот меморандум вызвал бурю протестов не только среди корейского народа, но и в правящих кругах Кореи. Японское правительство, испугавшись взрыва воз-

мущения в Корее, поняло преждевременность осуществления аннексии Кореи.

Генеральный резидент Сонэ выступил с осуждением меморандума «Ильчинхве». Японская печать обрушилась с критикой на проект аннексии Кореи, называя его нереальным, поскольку Корея имеет договоры с другими державами и без их полного согласия якобы никогда не будет аннексирована [219, 11.XII.1909].

Однако это был лишь маневр, призванный успокоить общественное мнение Кореи и усыпить бдительность корейского народа.

30 мая 1910 г. на пост генерального резидента в Корее был назначен генерал Тэраути Масатакэ с сохранением за ним портфеля военного министра Японии. Тэраути представлял наиболее милитаристски настроенную часть японского кабинета и считал, что «корейцы должны либо подчиниться власти японцев, либо погибнуть» [163, 283; 147, 174].

Назначению японского военного министра на пост генерального резидента в Корее русская дипломатия придавала особое значение. Посол Малевский-Малевич доносил из Токио, что «Япония сделала ныне весьма серьезный шаг. Главное управление Кореи перенесено в Токио и вручено военному человеку» [89, 230].

Японская буржуазная пресса, напутствуя генерала Тэраути, давала ему советы о необходимости покончить с существующим неопределенным положением и поскорее присоединить Корею.

Одобряя программу Тэраути, который намеревался жестоко подавить антияпонское движение корейского народа, она заявляла, что такие «простые методы» будут и более безопасными и более эффективными. В Корею было отправлено дополнительно более 2 тыс. жандармов, которых расквартировали по важнейшим пунктам страны.

В середине июня премьер-министр Кацура сделал заявление для прессы о предполагающейся аннексии Кореи. 23 июля генерал Тэраути прибыл в Сеул.

Проводились последние подготовительные мероприятия к аннексии. Десятки военных кораблей маневрировали между Пусаном и Инчхоном. Тысячи корейских патриотов были арестованы и брошены в тюрьмы. Репрессиям подверглись и корейские газеты, бо́льшая часть ко-

торых была закрыта или временно запрещена, а в отдельных случаях подкуплена японцами. Все корейские общественные организации были распущены.

Методично проводя политику постепенного захвата Кореи, японское правительство спустя некоторое время после назначения нового генерального резидента указом японского императора от 21 июня 1910 г. создало Колониальное бюро. Его председателем был назначен маркиз Кацура. В указе императора Японии говорилось о том, что Колониальное бюро подчиняется премьер-министру и ведает делами, касающимися Тайваня, Сахалина и Кореи.

Этой новой мерой Япония открыто приравнивала Корею к своим колониям, так как теперь Корея подчинялась японскому правительственному учреждению.

24 июля японский генеральный резидент и корейский премьер-министр подписали в Сеуле меморандум о передаче всех полицейских дел в Корее японскому правительству.

Японские власти распустили центральный полицейский департамент и все полицейские отделы на местах и создали при генеральном резиденте полицейское управление, которым ведал по совместительству начальник жандармерии Акаси.

В середине августа 1910 г. генерал Тэраути пригласил к себе корейского премьер-министра Ли Ванъёна и потребовал подписать уже подготовленный «договор» об аннексии. 18 августа 1910 г. Ли Ванъён собрал заседание кабинета министров, на котором поставил вопрос о присоединении Кореи к Японии, повторив требования генерала Тэраути. Все члены корейского кабинета, за исключением министра просвещения Ли Ёнсика, выразили согласие. 22 августа состоялось специальное совещание членов правительства с участием корейского императора и старейших государственных деятелей. Это совещание также приняло все условия, предложенные генералом Тэраути [219, 27.VIII.1910]. В этот же день Ли Ванъён, получив соответствующие полномочия от корейского императора, посетил Тэраути и тайно подписал с ним «договор» об аннексии Кореи Японией. 29 августа 1910 г. «договор» был опубликован. По этому «договору» корейский император уступал императору Японии «полностью и на вечные времена» всю власть по управлению Кореей. Чле-

нам корейского императорского дома и всем предателям, содействовавшим аннексии, «договор» гарантировал «почетные титулы» японского дворянства и денежные пенсии [22, 346].

В декларации японского правительства иностранным державам по поводу аннексии Кореи от 29 августа 1910 г. говорилось, что «Япония аннексировала Корею с целью поддержания мира и порядка». Японское правительство заявляло, что договоры Кореи с иностранными государствами аннулируются, право экстерриториальности отменяется, а договоры, заключенные Японией с другими странами, распространяются на Корею. Таможенные тарифы, существующие в Корее, объявлялись неизменными на 10 лет [211, 1910, № 13, 2]. Японское правительство разрешало в течение 10 лет вести береговую торговлю в Корее иностранным судам под национальными флагами тех держав, которые имели договоры с Японией. В Корее сохранялись прежние открытые порты, за исключением Масанпхо, вместо которого открытым портом становился Синыйджу.

Этой декларацией японское правительство выполняло свое обязательство перед Англией и США о сохранении прежних таможенных пошлин в Корее, взамен чего ранее Япония получила согласие этих держав на аннексию Кореи.

Аннексировав Корею, японский империализм приблизился к осуществлению своих планов господства на Тихом океане и Дальнем Востоке.

Японские власти сосредоточили всю политическую и экономическую власть в стране в своих руках. В Корее воцарился режим военно-полицейского террора. Этот режим был направлен на уничтожение всего корейского на корейской земле, на превращение корейцев в послушных рабов японских помещиков и капиталистов.

Вся полнота власти была сосредоточена в руках японского генерал-губернатора, который назначался японским императором из числа генералов или адмиралов действительной службы. Японский генерал-губернатор совмещал в своем лице законодательную, административную и судебную власть и командовал всеми японскими силами в Корее. Чтобы создать видимость какого-то корейского представительства, в сентябре 1910 г. при генерал-губернаторе был учрежден так называемый «Цент-

ральный совет», членами которого состояли назначаемые японским правительством «коренные корейцы» — прислужники японской колониальной власти, представители высшего корейского дворянства. Председателем Совета был назначен начальник политического департамента генерал-губернаторства (японец), а вице-председателем стал Ли Ванъён. Центральный совет созывался генерал-губернатором для консультации преимущественно по вопросам обычаев и верований. Ни по каким важным вопросам управления японцы к нему не обращались.

Из 13 постов провинциальных губернаторов 7 были отданы японцам. При провинциальных губернаторах создавались совещательные советы, большинство членов которых составляли японцы, назначаемые генерал-губернатором.

Аппарат корейского генерал-губернаторства (включая его филиалы) вначале состоял из 15 тыс. человек, но к 1916 г. он увеличился до 42 312 человек. Из этого числа 23 483 должности занимали японцы, а остальные — корейцы, которые назначались лишь на второстепенные посты.

Корея была наводнена полицейскими, жандармами и регулярными частями японских войск. По всей стране было создано 16 214 жандармских и полицейских участков с десятками тысяч жандармов и полицейских. Жандармы и полицейские выполняли не только полицейские, но и прокурорские функции.

Военно-полицейские методы управления применялись даже в области школьного дела. Все школьные учителя были одеты в форму и носили оружие для того, чтобы внушить детям чувство повиновения и вечного страха перед японскими властями.

«Закон об охране порядка» за любую общественную деятельность предусматривал крупный денежный штраф и тюремное заключение на срок не менее двух лет. Те немногочисленные общественно-политические организации, которые японцы не успели распустить накануне аннексии, были разогнаны. Строго запрещалось устройство собраний и скопление населения на улицах. Даже школьные экскурсии проводились только с разрешения высших школьных властей. Японские власти стремились заставить корейцев забыть свою тысячелетнюю национальную

культуру и вытравить из сознания корейского народа чувство национального достоинства. Издание книг и газет на корейском языке запрещалось, а многие книги патриотического содержания подверглись сожжению. Обучение в школах велось только на японском языке.

Корея превратилась в мрачную тюрьму для корейского народа.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ КОРЕИ В ГОДЫ ПРОТЕКТОРАТА

Методы захвата корейских земель

Экономическое закабаление и ограбление корейского народа в период протектората осуществлялось различными методами, среди которых одним из важнейших являлся захват земли, ведущий к обезземеливанию, пауперизации крестьянства.

Во время русско-японской войны, как уже излагалось выше, японские военные власти захватили лучшие корейские земли под предлогом «военных нужд», для строительства железных дорог и т. д. По официальным данным, за время войны в Корее было экспроприировано около 11 тыс. тё пахотной земли [52, 20—21]. Желая сохранить за собой возможно большее количество захваченной земли, которая должна была быть возвращена законным владельцам в связи с окончанием войны, японские власти прибегли к очередному маневру. Под их нажимом в октябре 1907 г. при корейском министерстве внутренних дел было создано Железнодорожное бюро, которое должно было заниматься проблемами земель, необходимых для железнодорожного строительства [там же].

Большая часть земель, экспроприированных ранее под «военные нужды», теперь была передана этому Бюро, которое выплатило небольшую компенсацию за частные корейские земли из расчета 180 иен за 1 тё. Государственные корейские земли экспроприировались без всякой компенсации.

Стоимость земли в Корее в конце протектората равнялась для рисовых полей высшего качества от 360 до 600 иен за 1 тё [73, 442]. Если же учитывать цену на землю в Японии, где в то время 1 тё стоил 1400 иен, то ясно

видно, что японцы получили лучшие корейские земли почти даром.

Несомненно, что это был грабеж корейских крестьян, которые с потерей земли лишались всяких средств к существованию, так как такая ничтожная компенсация никак не могла возместить их потери.

В период протектората для строительства железнодорожных линий Сеул — Ыйджу, Масанпхо — Самнанджин и Сеул — Вонсан было экспроприировано свыше 4 тыс. тё земли, за которую Железнодорожным бюро было выплачено всего 590 тыс. иен, т. е. около 147 иен за 1 тё. Кроме того, японский флот захватил 2047 тё в бухте залива Чинхэ для «нужд» военно-морского порта [52, 20—21]. Это означало, что в период протектората для строительства железных дорог и портов японцы захватили более 6 тыс. тё корейской земли.

Для бесконтрольного захвата корейских земель японским властям прежде всего необходимо было отменить существовавший в Корее закон, запрещавший иностранцам приобретать земли за пределами 1 ри (около 4 *км*) от иностранных поселений. С этой целью в июле 1906 г. была создана особая комиссия по изучению закона о недвижимом имуществе, во главе которой был поставлен японец.

В результате работы этой комиссии 31 октября 1906 г. был опубликован ряд постановлений, вносивших изменения в корейское законодательство о недвижимости [42, 25]. Согласно одному из этих постановлений иностранцы получили официальное право на владение любыми землями в Корее. При этом указывалось, что всякая сделка по купле-продаже, закладу или передаче земли, заключенная корейцем с иностранцем, нуждается в дополнительном рассмотрении и утверждении ее японскими резидентами, без чего документ является недействительным.

Другое постановление требовало от всех владельцев земли или жилищ в Корее представления свидетельств на право владения недвижимостью. В противном случае при отсутствии подобных свидетельств владельцы недвижимости лишались своих прав на нее и их земли или другое недвижимое имущество конфисковались правительством. Это постановление лишало земли многих корейских крестьян, очень часто не имевших таких свидетельств.

В период протектората японцы прибегали и к другим

методам лишения корейских крестьян их земли. При этом они стремились придать какую-то видимость «законности» своим действиям. С этой целью они старались оформлять свои захваты корейских земель соответствующими постановлениями корейского правительства, издаваемыми якобы по его собственной инициативе, хотя в действительности оно вынуждалось к этому японским генеральным резидентом. В частности, 1 февраля 1907 г. под давлением генерального резидента корейское правительство издало постановление, касающееся выкупа заложенной недвижимости при просроченных закладных [42, 9]. По этому постановлению, если возникал спор между корейцем-должником и иностранцем-кредитором по вопросу о выкупе просроченной закладной на недвижимость, то вопрос «решали» местные корейские власти с обязательного одобрения японского резидента.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев этими «иностранцами-кредиторами», дававшими ссуды беднякам-корейцам под заклад их земель, являлись японские ростовщики, весь смысл данного постановления сводился к тому, чтобы лишить права выкупа заложенных земель или жилищ корейских крестьян, просрочивших оплату закладных, в результате чего эту недвижимость присваивали японские ростовщики.

Японцы стремились также захватить в Корее большое количество государственных земель, входящих в категорию необрабатываемых, но годных при известных затратах к обработке. С этой целью был выдвинут грабительский проект Нагамори, о котором говорилось ранее. Однако в то время из-за сопротивления корейского народа его осуществить не удалось.

Японское правительство прибегло к очередному маневру. В июле 1907 г. по указанию генерального резидента корейское правительство издало закон об «использовании необрабатываемых государственных земель», который вступил в силу с 15 сентября 1907 г. [52, 126]. По этому закону необрабатываемые государственные земли в Корее могли сдаваться в аренду как иностранцам, так и корейцам на срок не более 10 лет. По истечении этого срока корейский министр земледелия, торговли и промышленности по закону был уполномочен продать или даже передать бесплатно в полную собственность арендуемую землю тем арендаторам, которые «успешно» за-

нимались на этой земле сельскохозяйственными работами. В течение первых пяти лет с момента передачи этой земли в аренду земельный налог с нее взимался в размере $^1/_3$ налога с земли самого низкого качества в соответствии с налоговыми ставками той провинции, в которую эти земли входили. Владельцы необрабатываемых земель, получившие их до введения в силу этого закона, должны были обратиться за «признанием своих прав» к министру земледелия, торговли и промышленности, без положительного решения которого их права аннулировались.

Таким образом, хотя корейцы формально и получали право на аренду этой земли, но стать ее собственниками они не могли без признания «успешного проведения сельскохозяйственных работ» на этой земле корейским министром земледелия, торговли и промышленности, который являлся японским ставленником[1]. Японцы же, арендующие эти земли, легко получали их в полную собственность путем бесплатной передачи или продажи за ничтожную сумму.

Подтверждением того факта, что этот закон был издан в интересах японцев, захвативших в свои руки контроль над распределением необрабатываемых земель, служит то обстоятельство, что с момента его издания до конца 1910 г. из 9 тыс. тё такой земли, полученной корейцами до 1907 г., Сон Бёнджун признал право собственности за владельцами только 3 тыс. тё земли, лишив этого права на остальную землю тех корейцев, которые пользовались ею до принятия закона. После аннексии Кореи эти необрабатываемые государственные земли были объявлены японской государственной собственностью.

Огромную роль в захвате земель в Корее сыграла «Восточно-колонизационная акционерная компания» («Тоё такусёку кабусики кайся», сокращенно—«Тотаку»), создание которой было проведено в форме закона, принятого обеими палатами японского парламента 26 марта 1908 г.[2].

Внешне «Тотаку» выглядела, как обычная акционерная компания с капиталом 10 млн. иен [52, 16—20]. Ей было предоставлено право на получение кредита в десятикратном размере по отношению к оплаченному капиталу, а японское правительство гарантировало возмещение долговых обязательств компании и процентов по ним на сумму 20 млн. иен [там же]. Японское правительство

обязалось также выдавать компании в течение восьми лет ежегодную субсидию в размере 300 тыс. иен в качестве гарантии акционерам 8-процентного дивиденда на оплаченный капитал. Вместе с тем оно получало право полного контроля и оперативного вмешательства в дела компании вплоть до отмены нежелательных решений и увольнения неугодных служащих. Все это дает основания считать «Тотаку» полугосударственным предприятием.

Было выпущено 200 тыс. акций нарицательной стоимостью 50 иен каждая. Правящие круги Японии принудили корейское правительство взять 60 тыс. акций стоимостью в 3 млн. иен. Но так как корейская казна не была в состоянии выплатить такую сумму, то правительство обязалось в качестве возмещения «своего» пакета акций предоставить в собственность «Тотаку» 5700 тё орошаемой земли и такую же площадь суходольных полей [там же].

Согласно уставу руководство компанией осуществлялось следующим образом: председатель правления и один его заместитель назначались японским правительством, а второй заместитель — корейским правительством, т. е. руководство компанией было в основном японское. Корейское правительство в качестве первого взноса передало компании в счет акций 1830 тё рисовых и 606 тё суходольных полей. Помимо этой земли компания купила 2082 тё рисовых и 226 тё суходольных полей и получила в аренду от корейского правительства 5004 тё рисовых и 1778 тё суходольных полей.

К концу 1910 г., по официальным японским данным, количество земель, полученных «Тотаку» от корейского правительства с момента создания компании, равнялось 7485 тё. Кроме того, к этому времени компания скупила у корейских крестьян 8599 тё земли.

Следовательно, к концу 1910 г. «Тотаку» имела свыше 16 тыс. тё земли [55, 187—189].

Компания занималась не только эксплуатацией захваченных земель, сдавая их в аренду мельчайшими участками, но также скупкой земли у корейских крестьян и перепродажей ее японским переселенцам. Чтобы приобрести крестьянскую землю за бесценок, компания прибегала к методам, ярко характеризующим японский полицейский произвол в Корее.

Компания, например, выключала из ирригационной

системы отдельные земельные участки, находящиеся на возвышенности, отводя воду в сторону, и этим обесценивала не только эти участки, но и все низлежащие, так как рисовые поля орошаются водой, стекающей с вышележащего поля на низлежащее. Поэтому владельцам земли ничего не оставалось делать, как продавать свои участки компании по бросовой цене. Затем компания, включив вновь приобретенные участки в оросительную систему, продавала их по цене, в 20—25 раз превышавшей покупную.

Иногда компания пользовалась выдачей ссуд на «льготных» условиях, которые приводили корейских крестьян к разорению. Желая приобрести какой-нибудь участок, компания часто приобретала за высокую плату участок земли возле него и сдавала его в аренду прежнему хозяину за низкую арендную плату. Соседние крестьяне, видя, что участок можно продать за высокую цену и остаться на нем жить, тоже продавали свой участок компании. Тогда компания либо выселяла всех корейских крестьян с этих участков, либо повышала арендную плату.

Несмотря на то что основным занятием «Тотаку» было сельское хозяйство, крупное земледелие не велось на капиталистических началах и служило лишь средством для выжимания из крестьян арендной платы. Земли, экспроприированные у корейских крестьян, снова дробились и сдавались крестьянам на началах полуфеодальной аренды. Только за один 1910 год в виде чистой прибыли со сданных в аренду земель компания получила более 17 тыс. долл. [95, 103]. Несмотря на содействие переселению японских крестьян в Корею, оказываемое «Тотаку», число японских землевладельцев в Корее в конце протектората было незначительно и составляло всего около 8,5 тыс. человек, которые владели свыше 38 тыс. тё пахотной земли. Общее количество японских переселенцев за годы протектората увеличилось в 2 с лишним раза (с 81,7 тыс. до 171,5 тыс. человек) [95, 92—93]. Компания хотела переселять в Корею только зажиточные слои японцев и заявляла, что «не нуждается в бедняках» [218, 8.XII.1970, 1023].

«Тотаку» служила не только целям экономического ограбления Кореи, но и политико-стратегическим целям, так как стремилась заселять японскими переселенцами

прибрежные области Кореи, местности вдоль железных дорог, окрестности больших городов и, наконец, Северо-Восточную Корею, имевшую особенно важное стратегическое значение.

В результате всей грабительской деятельности по экспроприации земель в Корее, даже по японским официальным данным, в конце периода протектората в руках японцев оказалось, включая земли «Тотаку», свыше 100 тыс. тё пахотной земли: 11 тыс. тё были захвачены под предлогом «военных нужд» в годы русско-японской войны, свыше 38 тыс. тё находились в руках мелких японских землевладельцев и 52,4 тыс. тё — у 692 японских помещиков. Причем 21 тыс. тё принадлежала 18 крупнейшим японским помещикам [30, 245—246].

Среди крупных японских землевладельцев существовала большая дифференциация. Свыше 46 тыс. тё земли принадлежали 124 землевладельцам, у которых размер вложенного капитала превышал 10 тыс. иен, а 6 тыс. тё земли владели 568 собственников, у которых сумма вложенного капитала составляла менее 10 тыс. иен [95, 96—97]. Крупные земельные собственники, относящиеся к первой категории, сдавали принадлежащие им земли целиком в аренду, получая доход в виде ренты, не принимая непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве. В разряд землевладельцев этой категории входила и «Тотаку».

Японские землевладельцы, относящиеся ко второй категории, создавали фермерские хозяйства и вели интенсивное земледелие на капиталистических началах, с применением наемного труда, т. е. с помощью корейских батраков [см. 95, 96—98].

Следует отметить, что в Японии немногие помещики имели такие крупные земельные наделы, какими они владели в Корее. Стремясь к еще бо́льшим земельным захватам, японские помещики толкали правительство Японии к аннексии Кореи, так как условия протектората в какой-то мере ограничивали возможности дальнейшего расширения японского землевладения в Корее.

Японские правящие круги стремились превратить Корею в аграрно-сырьевой придаток Японии. В период протектората были проведены определенные мероприятия по развитию ирригации и мелиорации, по созданию «образцовых» сельскохозяйственных ферм, направленные на по-

вышение урожайности таких экспортных культур, как рис, хлопок и др., которые во все более и более возрастающем количестве вывозились в Японию. В марте 1906 г. по указанию генерального резидента корейское правительство опубликовало постановление относительно создания специальных «ассоциаций по использованию водных бассейнов Кореи», которые должны были заниматься строительством или ремонтом водных бассейнов, прудов, водоемов и т. д.

Создание в Корее таких «ассоциаций» приводило к тому, что естественные водные источники, которыми крестьяне ранее пользовались бесплатно, были у них теперь отняты, и за пользование водой они были вынуждены платить: «водный налог».

В июне 1906 г. генеральный резидент создал в Сувоне, в 25 милях от Сеула, «сельскохозяйственную и промышленную образцовую ферму», которой было передано к концу 1909 г. около 150 тё земли [55, 117]. На ферме производились опыты по разведению лучших сортов риса, ячменя, сахарной свеклы, хлопчатника, табака и т. д., а также опыты по улучшению пород скота и увеличению его поголовья, что было необходимо японцам для вывоза в Японию кож, шкур, мяса. За период 1906—1910 гг. посевная площадь под хлопком увеличилась в 22 раза (с 51,6 до 1123 тё), а сбор хлопка — примерно в 34 раза (с 25 тыс. до 845,3 тыс. кин) [55, 183].

Кроме корейского хлопка, нужного японцам как сырье для хлопчатобумажной промышленности, им необходим был шелк-сырец для шелковой промышленности. В связи с этим генеральный резидент поощрял занятие шелководством и создание различных шелководческих ассоциаций, субсидируемых корейским правительством.

В частности, к концу 1910 г. в Корее были созданы 72 шелководческие ассоциации, которым были выданы субсидии корейского правительства в размере 20 тыс. иен [55, 185].

Тем не менее создаваемые в Корее «образцовые» фермы и ассоциации не привели к сколько-нибудь серьезным сдвигам в развитии производительных сил сельского хозяйства, так как нищие корейские крестьяне не могли ни покупать сельскохозяйственных орудий или удобрений, ни совершенствовать методы обработки своей земли.

Все эти указанные выше мероприятия служили интересам японских властей и способствовали увеличению вывоза продовольствия и сырья в Японию.

Искусственное ограничение развития корейской национальной промышленности и строительство дорог

В области промышленности японские правящие круги также проводили политику, направленную на превращение Кореи в аграрно-сырьевой придаток японской метрополии.

В период протектората в Корее было создано ничтожное количество японских промышленных предприятий, причем с чрезвычайно примитивным уровнем техники, что объяснялось дешевизной корейских рабочих рук.

К концу протектората на 252 промышленных предприятиях Кореи применялось только 148 двигателей мощностью 6 тыс. лошадиных сил. Иными словами, большинство предприятий было кустарного типа, на которых или совсем отсутствовали машины, или применялось не более одной-двух машин. В основном это были предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья. Так, за два первых года японского протектората (1906—1908) в Корее было создано 56 подобных промышленных предприятий, в том числе: рисоочистительных — 20, водочных — 7, табачных — 5, текстильных — 1, консервных — 1, кирпичных — 7, металлообрабатывающих — 3 [39, 316].

В 1908 г. в Корее из функционировавших 108 предприятий подавляющее количество составляли рисоочистительные (31) и водочные (20). К 1910 г. в Корее насчитывалось только три отрасли промышленности, в которых стоимость годового производства превышала миллион иен: рисоочистительная промышленность, производство табака и производство электроэнергии.

В семи отраслях промышленности стоимость годового производства не достигала 100 тыс. иен. В частности, стоимость продукции в такой отрасли, как бумажная промышленность, которой издавна славилась Корея, достигала всего 4440 иен, а в кожевенном производстве — 28 800 иен [37, 1913, 228—229].

По количеству вложенного капитала первое место принадлежало производству электроэнергии (4113 тыс. иен). За ней следовали: рисоочистительная промышленность (1 742 100 иен), производство табака (1 564 968 иен), водочная промышленность (821 тыс. иен) [там же].

Из приведенных данных видно, что подавляющее большинство созданных в период протектората промышленных предприятий было сосредоточено в пищевой и табачной промышленности.

Предприятия прядильной, ткацкой и металлообрабатывающей промышленности были развиты слабо, так как японские предприниматели старались открывать в Корее такие фабрики и заводы, которые не требовали больших затрат на основной капитал. Подавляющее большинство созданных предприятий представляло собой карликовые предприятия мануфактурного типа с числом рабочих от 4 до 40 [95, 111]. Металлообрабатывающая промышленность по уровню своего развития находилась на одном из самых последних мест.

Развитие корейской национальной промышленности искусственно задерживалось экономическими и внеэкономическими мероприятиями японского империализма, который хотел пресечь всякую возможность конкуренции со стороны корейской буржуазии. Кроме того, японские правящие круги опасались, что за спиной корейских предпринимателей будут действовать иностранные капиталисты.

Корейский рынок был наводнен дешевыми японскими промышленными товарами. Их дешевизна объяснялась главным образом низкой заработной платой японских рабочих, а также конкуренцией английских и американских товаров на корейском рынке.

Мелкое промышленное производство в Корее (городские ремесла, домашняя промышленность) разрушалось, не выдерживая конкуренции. Однако японские правящие круги не создавали на его месте современной капиталистической промышленности, а использовали корейский рынок лишь для сбыта продукции японской промышленности.

С другой стороны, рост внутренней и внешней торговли в Корее способствовал росту корейской торговой буржуазии, хотя и крайне слабой, занимающей второстепенное, подчиненное место, но все же накопившей в своих

руках денежные капиталы и стремившейся вложить их в промышленное производство.

Однако японские банки, созданные в Корее, обычно не выдавали корейцам ссуды для создания промышленных предприятий, а если и выдавали, то на самых кабальных условиях. Отсутствие кредитов являлось серьезным тормозом на пути развития нарождающейся корейской промышленности. Кредиты в японских банках могла получить лишь компрадорская буржуазия, тесно связанная с японским капиталом. Корейская буржуазия облагалась более высокими налогами, чем японская, и ее деятельность находилась под строгим контролем японских финансовых органов.

Одним из административных мероприятий японских властей по ограничению развития корейской национальной промышленности явилось постановление об акционерных компаниях, изданное в марте 1908 г. якобы по инициативе корейского министерства земледелия, торговли и промышленности, и на самом деле — по требованию японского генерального резидента. Это постановление официально ставило всю предпринимательскую деятельность в Корее под контроль корейского министерства земледелия, торговли и промышленности, а фактически под контроль японской администрации, так как корейское правительство в это время уже потеряло свою самостоятельность во внутреннем управлении страной.

По этому постановлению, чтобы создать акционерную компанию в Корее, необходимо было получить разрешение корейского правительства, которое могло не дать его или же в любой момент это разрешение аннулировать, а компанию запретить, если ее деятельность будет признана «незаконной и противоречащей приказу министерства земледелия, торговли и промышленности» [52, 137—139]. Правительственные чиновники должны были периодически проверять положение дел в компаниях, документы, имущество, балансовые отчеты и т. д.

Это постановление ставило все акционерные компании под так называемый контроль правительства. Японцы могли легко запрещать открытие тех предприятий, которые не отвечали их интересам, могли не допускать развития национальной корейской промышленности.

После аннексии Кореи японское правительство в декабре 1910 г. издало, уже от своего имени, закон об ак-

ционерных компаниях, по которому все компании и предприятия в Корее могли создаваться только с разрешения генерал-губернаторства. Учреждение компании или предприятия без такого разрешения каралось каторжными работами до 6 лет или штрафом до 5 тыс. иен.

По официальным японским данным, в конце периода протектората в Корее было создано 110 акционерных компаний с номинальным капиталом около 20 млн. иен, оплаченный капитал которых равнялся 7,5 млн. иен. Из этого числа японских компаний было 85, корейских — 9 и японо-корейских, в которых преобладал японский капитал, — 16 [55, 191] [3].

Из приведенных данных можно сделать вывод, что японский капитал господствовал во всех отраслях предпринимательской деятельности в Корее.

Если сравнить вложения в промышленность Кореи японского и корейского капитала, то можно сразу увидеть полное преобладание японского. Из общей суммы вложенного в обрабатывающую промышленность капитала (около 10,5 млн. иен) японский составлял примерно 10 млн. иен, а корейский — приблизительно 500 тыс. иен, т. е. не более 5% общей суммы вложенного капитала [37, 1913, 228—229].

Почти во всех отраслях промышленности корейский капитал составлял самую ничтожную долю, а в ряде отраслей полностью отсутствовал. Так, например, в рисоочистительной промышленности доля корейского капитала равнялась всего 7,5%, в производстве табака — примерно 7%, а такие отрасли промышленности, как водочная, лесообрабатывающая, мукомольная, хлопкоочистительная, консервная, производство электроэнергии, находились исключительно в руках японцев.

Корея богата полезными ископаемыми. В ее недрах находятся большие запасы графита, золота, каменного угля, железа, меди, цинка, свинца, никеля, вольфрама, молибдена, магнезита, барита, алунита.

До установления японского протектората добыча полезных ископаемых в Корее находилась в руках иностранных компаний (американских, английских, японских, французских, итальянских и др.), которые без всяких ограничений получали концессии на разработку корейских недр и хищнически эксплуатировали естественные богатства Кореи.

Из этих компаний самой большой по размаху работ была американская компания в Унсане («Ориэнтэл Консолидэйтед Майнинг Компани») по добыче золота и серебра. Капитал компании составлял 10 млн. иен. Компания ежегодно платила корейскому правительству 25 тыс. иен в качестве арендной платы за разработку недр.

В годы, предшествовавшие установлению протектората в Корее, японское правительство еще не чинило иностранным предпринимателям существенных препятствий в их деятельности. Однако вскоре после установления протектората оно прибегло к административным мерам, стремясь поставить под свой контроль предоставление концессий на разработку полезных ископаемых в Корее и обеспечить дополнительные льготы и привилегии японским капиталистам.

С этой целью по инициативе японского генерального резидента корейское правительство издало два закона: «Общий закон о разработке недр» (12 июля 1906 г.) и «Закон о разработке золота» (28 июля 1906 г.). Эти законы были введены в силу 15 сентября 1906 г. [52, 143—145].

Согласно этим законам выдача концессий была фактически поставлена под японский контроль. В результате из 361 концессии, выданной в Корее с июля 1906 г. по конец декабря 1908 г., японцы получили 285 (около 78% всех концессий, выданных корейским правительством), корейцы — 47, иностранцы других национальностей — 29 [52, 149]. Однако в период протектората монопольной эксплуатации естественных богатств Кореи Японии добиться не удалось. В 1910 г. стоимость продукции японских рудников и копей равнялась 1968 тыс. иен (32,5% стоимости продукции горнорудной промышленности в Корее), тогда как стоимость продукции рудников и копей других иностранцев — 3768 тыс. иен (62,1%). Доля корейского капитала в валовой продукции горнорудной промышленности была совсем ничтожной, составляя 331 тыс. иен (5,4%) [112, 241]. Однако уже к 1919 г. японцы стали хозяевами подавляющего большинства рудников в Корее, вытеснив из горной промышленности своих иностранных конкурентов.

Японские империалисты стремились получать из Кореи минералы, необходимые для японской промышленности.

Уже в 1907 г. японское правительство захватило в свои руки залежи антрацита в среднем течении реки Тэдонган в пров. Пхёнан и стало расширять объем работ в Пхеньянском угольном бассейне, откуда почти весь добытый уголь шел в Японию по баснословно дешевым ценам. Угольные шахты этого бассейна были снабжены японским оборудованием. Для перевозки угля с шахт к железнодорожной станции была построена железная дорога, средства на строительство которой были ассигнованы генеральным резидентом.

За три года (1907—1910) с момента начала добычи антрацита в Пхеньянском бассейне угледобыча выросла с 2 тыс. *т* до 100 тыс. *т*., т. е. в 50 раз. Пхеньянский угольный бассейн давал свыше 80% всей добычи каменного угля в Корее.

Из общего количества добытого угля в 1910 г. почти 99% было вывезено в Японию на угольно-брикетную фабрику Токуяма, откуда уголь шел на нужды японского флота [52, 149].

Япония была очень заинтересована в импорте корейской железной руды, так как добыча железной руды в Японии была невелика.

Добыча железной руды в Корее в годы протектората проводилась на рудниках в уездах Чэрён и Ыллюл пров. Хванхэ, которые были в 1909 г. проданы Кореей Японии за очень низкую цену. В 1909 г. в Корее насчитывалось 38 концессий по добыче железной руды. Одна из наиболее крупных концессий находилась вблизи устья реки Тэдонган и принадлежала японской фирме «Окура». В 1909 г. на рудниках бассейна реки Тэдонган было добыто 100 тыс. *т*. железной руды, а в 1910 г. — 140 тыс. *т* [44, 697; 37, 1930, 172].

Фирма «Мицубиси» владела крупнейшими месторождениями железной руды в Чэрён, которая разрабатывалась горнопромышленной компанией «Мицубиси Айрон Фаундри». Добываемая в Корее железная руда полностью вывозилась в Японию на металлургические заводы Явата, Эдамицу, принадлежавшие японскому правительству.

Для колониального порабощения Кореи, другими словами, для более успешного выкачивания сырья и ввоза японских товаров Японии нужна была широкая сеть железных дорог. Кроме того, железные дороги были не-

обходимы в военно-стратегических целях, чтобы открыть удобный и кратчайший путь из Японии через Корейский полуостров в Маньчжурию, Северный Китай и к русской границе. Железные дороги нужны были для того, чтобы быстро перебрасывать войска из Японии в разные районы Кореи для подавления национально-освободительного движения корейского народа. Строительство железных дорог являлось также чрезвычайно прибыльной сферой приложения капиталов.

«Постройка желдорог, — писал В. И. Ленин, — кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в „цивилизованных" странах» [13, 304—305].

Японские империалисты еще до установления протектората стали уделять особое внимание строительству дорог в Корее, как железных, так и шоссейных. Вплоть до XX в. в Корее не было железных дорог. Первая железнодорожная линия была построена в 1900 г. между Сеулом и Инчхоном. Концессию на строительство этой дороги удалось получить американцу Джеймсу Морзу в 1896 г. Однако эта концессия была выкуплена у него японским синдикатом в 1898 г. Железная дорога Сеул — Инчхон протяженностью около 40 *км* была пущена в эксплуатацию в октябре 1901 г. [42, 74].

Важнейшими железными дорогами Кореи являются линии Сеул — Пусан и Сеул—Ыйджу. Строительство линии Сеул — Пусан протяженностью 450 *км* началось в августе 1901 г. японским синдикатом под названием «Сеул-Пусанская железнодорожная компания». Концессия на строительство этой железной дороги была получена японской компанией еще в 1898 г. На строительство дороги Сеул — Пусан было ассигновано 25 млн. иен с добавлением японским правительством ежегодно еще 5 млн. иен на нужды строительства.

Поскольку японское правительство готовилось к войне с Россией, а линия Сеул — Пусан имела важное военно-стратегическое значение, то для скорейшего окончания строительства этой железной дороги в конце 1903 г. компании была выдана дополнительная субсидия в 2,2 млн. иен, а также беспроцентный заем в 1,58 млн. иен.

Железная дорога Сеул — Пусан была закончена в ноябре 1904 г. и пущена в эксплуатацию с 1 января 1905 г. [42, 74—76]. Продолжением этой дороги являлась железнодорожная линия Сеул — Ыйджу, соединяющая столицу Кореи с китайской границей.

Идея прокладки магистрального пути из Японии в Маньчжурию через Корею возникла у японцев еще в начале XX в. и являлась частью поставленной цели проникновения Японии на Азиатский материк.

Строительство железной дороги Сеул — Ыйджу было начато в марте 1904 г., вскоре после того, как Япония развязала войну с Россией, и было закончено в марте 1906 г.

Эти две железнодорожные линии, Пусан — Сеул и Сеул — Ыйджу, образовали крупнейшую в Корее магистраль, которая пересекла Корейский полуостров с юга на север, связав между собой города Пусан, Тэгу, Сеул, Пхеньян, Ыйджу.

В стратегическом отношении эта железнодорожная магистраль имела для японцев очень важное значение как средство быстрой переброски японских войск с островов на континент, в Маньчжурию. Эта магистраль имела большое значение для внешней торговли Японии с Кореей, т. е. для вывоза корейского сырья и продовольствия, награбленного у корейских трудящихся, так как она давала возможность проникать во все районы Кореи.

На постройку этих линий японское правительство затратило значительные суммы. На железную дорогу Сеул — Пусан было израсходовано 33 194 910 иен, а на линию Сеул — Ыйджу — 31 600 110 иен [там же].

Наиболее важными ответвлениями магистральной дороги являлись линии: Масан — Самнанджин протяженностью 40 *км* (построена в мае 1905 г)., Тхэчхон — Мокпхо протяженностью 260 *км* (построена в 1910 г.) и Пхеньян — Нампхо протяженностью 55 *км* (построена в 1910 г.).

Накануне аннексии вся железнодорожная сеть в Корее была построена на японские капиталы и составляла 1085,7 *км*. Грузооборот дорог увеличился за 3 года (1907 — 1910) более чем в 2 раза: с 391 175 до 888 723 *т* [55, 266].

Постройка железных дорог в Корее, являвшихся одним из орудий угнетения корейского народа, сопровождалась экспроприацией крестьянских земель и эксплуатацией корейских рабочих и крестьян.

Точно так же обстояло дело и со строительством шоссейных дорог в Корее, к которому японское правительство приступило в стратегических целях еще со времени японо-китайской войны (1894 — 1895), когда была построена шоссейная дорога между Сеулом и Инчхоном. В период русско-японской войны японцы построили шоссейные дороги от Сеула до Вонсана и до Ыйджу.

После установления японского протектората по указанию генерального резидента корейское правительство в 1906 г. ассигновало 1,5 млн. иен на сооружение четырех шоссейных дорог, которые должны были соединить порты с административными центрами страны и земледельческими районами.

Всего за период 1907 — 1910 гг. в Корее было построено 652 *км* шоссейных дорог. На это было израсходовано 2 377 235 иен [55, 142 — 144].

Если проследить общее направление железных и шоссейных дорог в Корее, построенных японцами накануне и в период протектората, то видно, что все они соединяли центры страны с важнейшими портами, такими, как Пусан, Инчхон, Мокпхо, Нампхо и др., т. е. служили целям вывоза из Кореи сырья и продовольствия и ввоза японских промышленных товаров.

Установление японского контроля над внешней торговлей и финансами Кореи

В годы протектората резко возрос внешнеторговый оборот Кореи. Это объяснялось главным образом увеличением объема японо-корейской торговли. Так, за период 1905 — 1910 гг. оборот внешней торговли Кореи увеличился на 18,8 млн иен — с 40,8 млн. до 59,6 млн. иен; стоимость экспорта возросла на 12 млн. иен, а стоимость

импорта — на 6,8 млн. иен. При этом объем японо-корейской торговли возрос на 11 млн. иен: экспорт в Корею увеличился на 1 млн. иен, а импорт из Кореи — на 10 млн. иен [55, 162]. В годы японского протектората пассив торгового баланса стал особенно значительным. Если в 1902 — 1903 гг. превышение импорта над экспортом в среднем составляло 7 млн. иен, то в 1909 — 1910 гг. — около 20 млн. иен. Огромный пассивный баланс корейской внешней торговли можно объяснить постоянным искусственным понижением цен японскими монополиями на вывозимое из Кореи продовольствие и сырье и повышением цен на ввозимые промышленные товары. Частично этот пассив покрывался за счет вывоза корейского золота в Японию.

Несмотря на господствующее положение как в экспорте, так и в импорте, доля Японии во внешней торговле Кореи за годы протектората упала с 72,5 до 68,2%, в то время как доля Англии увеличилась с 0,9 до 10,5%, доля США — с 4,9 до 5,9% [55, 186]. Это произошло за счет увеличения импорта главным образом английских и американских товаров в Корею. Особенно вырос удельный вес английских товаров на корейском рынке. Англия и Америка имели более богатый ассортимент товаров, а также их товары были лучшего качества, поэтому они успешно конкурировали с японскими, особенно это касалось металлических изделий, железнодорожного оборудования, машин, ввоз которых в Корею увеличивался также в связи с расширением железнодорожного и промышленного строительства, которое вели японские компании в Корее.

В период протектората японская буржуазия еще не была в состоянии экономическим путем вытеснить с корейского рынка английские и американские товары. В то же время, стремясь получить согласие США и Англии на аннексию Кореи, правящие круги Японии опасались затруднять доступ английским и американским товарам на корейский рынок, повышая таможенные пошлины. Все это способствовало тому, что к аннексии Кореи стремились не только японские помещики, военщина, но и японская буржуазия, которая рассчитывала путем превращения Кореи в колонию Японии полностью овладеть корейским рынком, вытеснив оттуда всех своих конкурентов.

Основными статьями корейского экспорта являлись: рис, бобы, женьшень, хлопок, рыба, золото, железная руда, уголь, морские продукты, лес. Корея играла видную роль в снабжении Японии продовольствием. Японцы вывозили из Кореи по низким ценам большое количество высококачественного риса, который обходился им гораздо дешевле, чем собственный. Будучи монополистами на корейском продовольственно-сырьевом рынке, они диктовали заниженные цены. Основной статьей экспорта Кореи являлся рис. За годы протектората экспорт возрос почти в 7 раз: с 889 тыс. иен в 1905 г. до 6,2 млн. иен в 1910 г. [67, 59].

При этом большое количество риса поступало в Японию. Так, из общего количества риса, вывезенного за границу за 1908—1909 гг., на сумму 11,9 млн. иен, доля Японии составляла около 73%.

Второе место в экспорте из Кореи занимали бобы, которые тоже почти полностью экспортировались в Японию. Масло, приготовляемое из бобов, использовалось не только для питания, но и как сырье для промышленности. Если в 1905 г. бобов было вывезено из Кореи на сумму 2,6 млн. иен, то в 1910 г. — на сумму 5,2 млн. иен, т. е. в 2 раза больше. При этом более 90% всех экспортируемых бобов вывозилось в Японию.

В Японию в конце протектората поступал весь хлопок, экспортируемый из Кореи, 97% вывозимой пшеницы и ячменя, 92% рыбы и более 50% экспортируемого домашнего скота [там же]. Все это свидетельствует о том, что Корея превращалась в аграрно-сырьевой придаток Японии.

Основными статьями корейского импорта являлись: хлопчатобумажные ткани, готовая одежда, галантерея, железнодорожное оборудование, машины, удобрения, керосин, жиры, масла и т. д.

Главное место в корейском импорте в период протектората занимали хлопчатобумажные ткани, ввоз которых составлял около 37% всей стоимости импорта. За пятилетие японского господства импорт хлопчатобумажных тканей увеличился почти на 35%. В 1910 г. удельный вес Японии в импорте хлопчатобумажных тканей составлял примерно 60%.

Железнодорожное оборудование, металлические изделия и машины составляли в корейском импорте около

10%, остальные 90% приходились на долю товаров широкого потребления. В экспорте металлов и железнодорожного оборудования в Корею Япония отставала от США и Англии. Так, в 1910 г. в Корею было ввезено железнодорожного оборудования на 3 млн. иен, из которых на долю Японии приходилось около 40%.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в период протектората японский империализм установил контроль над внешней торговлей Кореи как в экспорте, так и в импорте. Однако в импорте товаров в Корее японцы встретили серьезных конкурентов в лице Англии и США.

В период протектората финансовая система Кореи была поставлена под японский контроль. До установления протектората сбор налогов в Корее производился местными корейскими властями и специальными уполномоченными. В сентябре 1906 г. по указанию японского финансового советника было опубликовано постановление, согласно которому во все провинции Кореи назначались специальные корейские чиновники по сбору налогов, а в каждый уезд — их помощники [42, 36—40]. Все эти сборщики налогов подчинялись инспекторам, находившимся в каждой из 13 провинций, которые, в свою очередь, подчинялись корейскому министру финансов.

Временно функции таких инспекторов должны были выполнять губернаторы провинций, которые подчинялись находившимся при них японским финансовым советникам. Контроль за деятельностью сборщиков налогов осуществляли также помощники японских финансовых советников.

Кроме указанных японских финансовых советников в особо важные районы страны (в том числе в Сеул) назначались пять высших японских советников, подчинявшихся непосредственно японскому финансовому советнику.

В дальнейшем, к концу периода протектората, японские финансовые советники почти полностью заменили корейских чиновников по сбору налогов, лишив корейское правительство даже видимости самостоятельности в деле налоговых сборов в Корее.

Ввиду того что весь сбор налогов в Корее находился под контролем японских властей, генеральный резидент мог свободно распоряжаться всеми доходами корейского

государства, а это означало не что иное, как грабеж японцами корейской казны. В годы протектората поступления в корейский бюджет увеличились почти в 4 раза: с 7,4 до 29,2 млн. иен [52, 90].

Это было достигнуто за счет резкого увеличения налоговых сборов с корейского населения и введения налогов, которые в 1909 г. составляли около 50% общей суммы государственных доходов, а также за счет лишения корейского правительства ряда суверенных функций: были ликвидированы министерство иностранных дел и министерство связи, резко сокращены военные расходы ввиду роспуска армии в 1907 г.

В расходной части корейского государственного бюджета в 1909 г. доминирующее положение принадлежало расходам министерства финансов. На долю этого министерства приходилось около 52% всех государственных расходов. За период 1905 — 1910 гг. расходы его выросли почти в 3 раза: с 4,77 млн. до 12,4 млн. иен [55, 180]. Основными статьями расходов корейского министерства финансов являлись выплата процентов по государственным долгам и содержание аппарата японского генерального резидента. Особенно обременительной была выплата процентов по государственному долгу, который за рассматриваемый период вырос с 9,4 млн. до 44,1 млн. иен [там же].

Таким образом, оплата займов (и процентов по ним), предоставленных Японией корейскому правительству, осуществлялась посредством все большего увеличения налогообложения корейского народа.

Необходимо отметить, что после 1905 г. Япония получала займы из-за границы из расчета 5% годовых, а Корее навязывала 6 — 7-процентные займы.

Японцы взимали налоги со всего неимущего населения Кореи, которое раньше ими не облагалось. Все это приводило к разбуханию аппарата министерства финансов, а следовательно, и к увеличению расходов на его содержание.

Второе место в расходной части корейского бюжета в период японского протектората занимали расходы министерств внутренних дел и юстиции, которые шли главным образом на содержание судов, тюрем и полиции. За период 1905 — 1910 гг. абсолютные размеры этих расходов возросли более чем в 10 раз, а их удельный вес в

расходной части увеличился с 6 до 28%. Если же сравнить расходы министерств внутренних дел и юстиции в конце протектората с расходами министерства просвещения, составлявшими в конце 1909 г. ничтожную сумму в 0,6 млн. иен, то видно, что в период японского господства расходы на народное просвещение были примерно в 11 раз меньше, чем расходы на суды, тюрьмы и полицию.

Весь корейский бюджет в период протектората обслуживал в основном не потребности корейского государства, а потребности японского аппарата управления Кореей. Это относится прежде всего к расходам на суды, тюрьмы, полицию и расходам министерства финансов.

Для увеличения бюджета японские власти старались подчинить все прежние источники доходов корейского императорского дома корейскому министерству финансов, которым они управляли. Так, например, они нашли новый источник доходов, поставив под контроль министерства финансов в 1908 г. земли, принадлежавшие ранее курьерской и военной службе, доходы с которых ранее шли на содержание императорского дома. Под их давлением корейский император 25 июня 1909 г. издал указ о том, что «все эти земли окончательно передаются под контроль министерства финансов и все доходы с этих земель переходят в руки корейского казначейства» [55, 100].

Площадь земель, отошедших под контроль министерства финансов, равнялась 123,8 тыс. тё. В 1908 г. доходы с этих земель составляли 750 тыс. иен, а в 1909 г. за счет роста арендной платы были уже почти в 2 раза больше (1,4 млн. иен) [52, 54; 55, 100].

По предписанию японских властей была также ликвидирована монополия корейского императорского дома на добычу женьшеня, который в декабре 1907 г. был превращен в источник доходов министерства финансов.

Министерству земледелия, торговли и промышленности были переданы налоги на бойни, на добычу медной и железной руды и на производство латуни, которые ранее находились в руках корейского императорского дома.

Основным государственным налогом в Корее и до периода протектората и после установления являлся поземельный налог, который в конце 1905 г. равнялся 4,8 млн. иен [42, 41—42], что составляло около 66% общей суммы налоговых поступлений.

Поземельный налог взимался со старой корейской земельной единицы кёль, которая делилась на 6 разрядов в зависимости от урожайности почвы, удобства орошения, местоположения и т. д. Высшая налоговая ставка равнялась 8 иенам с кёль, а низшая — 20 сэнам.

Японские власти всячески стремились увеличить поземельный налог с корейского крестьянства. Однако, боясь, что прямое увеличение налоговых ставок вызовет возмущение народа, они прибегли ко всяким обходным маневрам и за 5 лет своего протектората в Корее увеличили общую сумму поземельного налога на 1,8 млн. иен [52, 91—92]. Этого удалось достигнуть главным образом путем выявления так называемых «скрытых кёль», т. е. тех земельных участков, которые ранее не подлежали налоговому обложению. Ссылаясь на то, что местные чиновники искажают действительное количество земли, японцы стали усиленно заниматься землемерными работами в Корее с целью установления тех земельных участков, с которых ранее не взимался поземельный налог. При этом японские чиновники произвольно относили земли низших категорий к землям высших категорий и таким путем увеличивали суммы поземельного налога с крестьян.

Второе место среди налоговых поступлений в Корее в годы протектората занимали доходы от таможенных пошлин, которые с 1905 по 1909 г. увеличились с 2 млн. до 3 млн. иен [52, 95]. Увеличение поступлений от таможенных пошлин было прежде всего связано с расширением внешнего товарооборота Кореи в этот период, поскольку таможенные пошлины были установлены в договорах с другими державами.

Если до установления японского протектората поступления от таможенных пошлин составляли особую статью доходов, то уже с 1907 г. они были переданы министерству финансов и явились новым важным источником доходов, находившимся в руках японцев.

На третьем месте среди налоговых поступлений в Корее стоял налог на жилище, который за пятилетие японского протектората был увеличен более чем в 4 раза: с 154 тыс. иен (1905 г.) до более 672 тыс. иен (1910 г.) [55, 102]. При этом формально японцы даже уменьшили эту налоговую ставку с 17—45 сэн до 15—30 сэн. Однако количество домов, с которых взимался налог на жили-

ще, увеличилось более чем в 4 раза. Это явилось результатом постановления корейского министерства финансов от июня 1907 г., по которому налогом на жилище облагался почти каждый дом в Корее, включая и городские дома, ранее не подвергаемые налоговому обложению.

Если в 1905 г. налогом на жилище облагались 22% общего количества домов в Корее, то в 1910 г. — около 96% [там же].

Стремясь к всемерному увеличению налоговых поступлений, японцы изменили существовавший ранее налог на продукты моря. До 1906 г. он составлял всего 42,5 тыс. иен, хотя сюда включались налоги с добываемой соли, рыбы, морских продуктов, лодок и т. д. 29 декабря 1906 г. было издано постановление корейского министерства финансов, по которому налог на добываемые морские продукты, включая рыбу, должен был взиматься в размере 1% рыночной цены всех добываемых продуктов моря.

Уже через два года после издания этого постановления, в конце 1908 г., налоги на продукты моря и соль составляли свыше 4 млн. иен, увеличившись, несмотря на то что формально налог на соль был снижен с 16 до 6 сэн с каждых 100 кин [4], почти в 50 раз по сравнению с 1906 г. [42, 43—44]. Это явилось результатом увеличения добычи продуктов моря и полного охвата корейского населения этим налогом. Таким образом, в годы протектората японским властям удалось сильно увеличить налогообложение в Корее, не изменяя налоговых ставок и подчас даже немного сокращая их.

Изыскивая новые источники доходов, японцы не ограничились только увеличением уже существующих налогов и ввели в Корее новые налоги: на спиртные напитки, табак и на добычу полезных ископаемых. Закон о введении налога на производство спиртных напитков и табака был издан 8 февраля 1909 г. [52, 100]. Он взимался с каждого, кто занимался их производством, независимо от того, делалось ли это для продажи или для личного потребления. На 31 декабря 1909 г. налог на спиртные напитки составлял около 202 тыс. иен, которые взимались со 155 тыс. производителей алкогольных напитков. Налог на табак в это время равнялся 170 тыс. иен, взимаемых с 272 тыс. производителей табака [там же]. Кроме того, такой же налог взимался со всех продавцов та-

бака. Большое число облагаемых этими налогами говорит о том, что в основном это были мелкие производители.

Налог на добычу полезных ископаемых был введен «Общим законом о разработке недр», о котором говорилось выше. Этот налог состоял из трех видов налоговых поступлений: налога на землю, где находились ископаемые (50 сэн с каждой тысячи цубо земли ежегодно), налога на добываемые ископаемые (1% стоимости добытых минералов) и налога на приск (1 иена с каждого тё территории прииска).

Если в 1907 г. налоговые поступления с добываемых полезных ископаемых составляли всего 4 тыс. иен, то в 1910 г. — уже 143 тыс. иен [55, 106].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что японским правящим кругам удалось сильно увеличить налогообложение за счет резкого усиления налогового бремени корейского населения.

* * *

В эпоху монополистического капитализма вывоз капитала стал одним из важнейших источников обеспечения огромных прибылей финансовой олигархии. Он позволяет финансовому капиталу получать огромную дань от эксплуатации сотен миллионов населения колониальных и зависимых стран.

Из имеющихся отрывочных данных о японских капиталовложениях в Корее можно сделать вывод, что в период протектората они составляли около 200 млн. иен [подсчитано по: 37, 1913, 228—229; 55, 192].

Вывоз японского капитала в Корею усилился в период русско-японской войны, когда Япония интенсивно строила железные дороги и навязывала кабальные займы корейскому правительству.

К 1910 г. японские капиталовложения в обрабатывающую промышленность Кореи составляли около 10 млн. иен [37, 1913, 228—229].

В период протектората японский капитал больше направлялся в торговлю, чем в промышленность. Из числа японских акционерных компаний, созданных в этот период в Корее, внешней торговлей занимались 84 компании с капиталом около 48,5 млн. иен [55, 192].

Около 100 млн. иен (приблизительно 50% всех япон-

ских инвестиций в Корее) было вложено в развитие транспорта (железные, шоссейные дороги, гавани) [32, 59—60]. Если учесть, что транспорт в Корее был связан с выкачиванием из нее сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья и ввозом японской промышленной продукции для корейских крестьян, т. е. что работа транспорта связана в основном с эксплуатацией деревни, то окажется, что преобладающая часть японских капиталовложений в Корее связана с получением прибылей из сельского хозяйства и лишь самая незначительная часть вложена в промышленность.

И наконец, вывоз японского капитала в Корею шел по линии внешних займов. За период протектората Япония предоставила корейскому правительству займы на сумму 44 млн. иен из расчета 6—7% [55, 181].

Японские капиталовложения в Корее в значительной своей части представляли государственный капитал. Это относится прежде всего к капиталовложениям в транспорт, в недвижимую собственность и к займам. Частный японский капитал в основном был инвестирован в торговлю, банки, промышленность.

Японские банки, создаваемые в Корее, служили основным каналом, через который японские капиталы направлялись в корейскую экономику. В Корее имелись филиалы следующих японских коммерческих банков: «Дай ити гинко» («Первого банка»), «Дай дзюхати гинко» («18-го банка»), «Дай годзю хати гинко» («58-го банка») и «Когё гинко» («Промышленного банка»). «Первый банк», принадлежавший к пяти крупнейшим банкам Японии, создал свой филиал в Пусане еще в 1878 г., а в Сеуле — в 1888 г. [135, 58—60].

В период русско-японской войны филиал «Первого банка» в Сеуле стал центральным корейским банком, получив право выпускать денежные знаки.

По японским данным, в конце протектората капитал «Первого банка» в Корее равнялся 10 млн. иен [219, 13. VII. 1907]. «Первый банк» официально считался частным, но фактически это был полугосударственный банк. Его глава, барон Сибудзава, являлся одним из руководителей государственного «Ниппон гинко» («Банка Японии»). Кроме того, с марта 1905 г., когда «Первый банк» был объявлен центральным корейским банком, он был поставлен под контроль японского министра иностран-

ных дел и министра финансов, а после установления японского протектората — под контроль генерального резидента.

«18-й банк» открыл свой филиал в Корее в 1890 г., капитал которого был равен 2 млн. иен. «58-й банк» был создан в Корее в 1892 г. с капиталом 3 млн. иен в основном для финансирования японских предпринимателей в Корее [44, 538; 219, 13.VII. 1907]. «Промышленный банк» создал свой филиал в Сеуле в 1906 г. с капиталом 7,5 млн. иен и занимался финансированием сельскохозяйственных и промышленных предприятий в Корее, выдавая денежные ссуды под залог недвижимости [55, 121—123; 135, 201].

В период протектората наряду с коммерческими банками развернули операции и аграрно-промышленные банки. По указанию японского генерального резидента корейское правительство в марте 1906 г. ассигновало 1,2 млн. иен на учреждение и субсидирование аграрно-промышленных банков [55, 25]. За период 1906—1908 гг. по всей Корее было создано 9 таких банков с 17 отделениями, а к концу 1909 г. уже насчитывалось 26 отделений аграрно-промышленных банков [55, 56—57; 95, 107—108][5].

Аграрно-промышленные банки были организованы как корейско-японские акционерные компании с капиталом не менее 100 тыс. иен с целью оказания материальной поддержки различным видам работ в области сельского хозяйства и промышленности, которые проводились в Корее по требованию японцев [55, 72][6]. Операции аграрно-промышленных банков в годы протектората базировались в основном на правительственных субсидиях.

В ноябре 1909 г. в Корее был открыт «Тёсэн гинко» («Корейский банк») с капиталом 10 млн. иен[7], которому «Первый банк» передал функции центрального банка, в том числе право эмиссии и чеканки монет. Этот банк был, разумеется, корейским банком только по названию, так как корейское правительство передало Японии все дела по его организации. Управляющий банком и его заместитель назначались японским правительством. Первым управляющим банка был Итихара. $^2/_3$ всех акций банка принадлежали японцам и только $^1/_3$ — корейцам.

«Корейский банк» являлся одним из крупных земельных собственников в Корее. Наиболее распространенным

методом этого банка при захвате крестьянских земель было предоставление ссуд под залог земли. Крестьяне, которые были не в состоянии выплатить ссуды в срок, теряли свои земли, превращавшиеся в собственность «Корейского банка».

Этот центральный банк стал одним из орудий японского империализма в деле закабаления корейского народа, так как, учредив его, японские власти установили полный контроль над финансами Кореи [см. 95, 105—107].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Японский империализм в своей колониальной политике в Корее накануне аннексии (1904 — 1910 гг.) пользовался полной поддержкой американского и английского империализма, несмотря на обострение империалистических противоречий между этими тремя странами. Некоторое противодействие японским планам порабощения Кореи оказало царское правительство, которое ввиду слабости военно-стратегических позиций России на Дальнем Востоке опасалось, что аннексия Кореи приведет к усилению японской агрессии. Предательская позиция США и Англии по отношению к Корее, давших санкцию на установление японского протектората еще задолго до окончания русско-японской войны, и поражение России в войне 1904 — 1905 гг. привели к тому, что Япония 17 ноября 1905 г., опираясь на свои вооруженные силы, навязала Корее насильственный «договор» о протекторате. Этот «договор» лишал Корею прав суверенного государства в области внешних сношений, сохранив только призрачную самостоятельность корейского правительства во внутренних делах. При заключении этого «договора» Япония, по существу, копировала методы своих учителей — европейских и американских колонизаторов, также грубо попиравших суверенитет более слабых народов. Необходимо отметить, что «договор» 17 ноября 1905 г. даже с юридической точки зрения нельзя считать действительным, поскольку корейский император так и не дал своего согласия на его подписание.

В своей захватнической политике в Корее японские правящие круги основное внимание уделяли ее экономическому закабалению и превращению в аграрно-сырьевой придаток Японии.

В период протектората свыше 50% всех захваченных японцами земель в Корее перешло в руки японских по-

мещиков, многие из которых получили более чем по 1000 тё земли. Японские помещики, не имевшие обычно в метрополии таких крупных земельных владений и заинтересованные в захвате новых земель, стремились к скорейшей аннексии Кореи, так как условия протектората в какой-то мере ограничивали возможность расширения японского землевладения. Японские помещики не внесли изменений в старые полуфеодальные формы землевладения, которые существовали в Корее, а лишь увеличили товарность земледелия. Естественно, что сохранение феодальной эксплуатации в Корее и усиление товарности земледелия вело к разорению и обезземеливанию широких крестьянских масс, которые из собственников превращались в арендаторов, полуарендаторов и батраков или же уходили в города, пополняя ряды пролетариата.

После установления японского протектората все корейские национальные промышленные предприятия раннекапиталистического типа, так же как домашние крестьянские промыслы, стали приходить в упадок, не выдерживая конкуренции японских товаров. Кроме того, японский империализм препятствовал развитию корейской национальной промышленности внеэкономическим путем. Ввиду специфических особенностей японского монополистического капитала, сохранившего в изучаемый период характер торгово-ростовщических домов, а также ввиду развития в Японии главным образом экспортных отраслей промышленности, преимущественно текстильной, японские монополии прежде всего были заинтересованы в сбыте своих промышленных товаров на корейском рынке и не вкладывали больших капиталов в создание промышленных предприятий в Корее.

Японское правительство было заинтересовано в подчинении всей финансовой системы Кореи потому, что стремилось резко увеличить доходы бюджета, шедшие не только на содержание государственного аппарата, полиции, тюрем и т. д., но и на оплату высоких процентов по государственным займам, навязанным корейскому правительству. В силу этого японские власти чрезвычайно усилили налогообложение трудящихся масс и мелкой буржуазии в Корее, что неизбежно влекло за собой еще большее разорение и обнищание корейского народа.

Японские монополии, подчинявшие себе экономику

Кореи, пытались вытеснить с корейского рынка иностранных конкурентов, главным образом Англию и США. Однако в период протектората этого им осуществить не удалось. Вследствие этого к скорейшей аннексии стремились не только японские помещики и военщина, но и в такой же степени японская крупная буржуазия, которая рассчитывала этим путем полностью овладеть рынком и природными ресурсами Кореи.

Японские колонизаторы в период протектората были вынуждены сохранить средневековый трон корейского императора и государственный аппарат Кореи, поскольку они опасались, что ликвидация этого аппарата вызовет еще больший подъем национально-освободительного движения в Корее.

Однако, сохраняя в Корее призрачную власть корейского императора, японские империалисты поставили над ним свой аппарат колониального управления — аппарат генерального резидента, который, опираясь на оккупационную армию и разветвленную сеть шпионажа, сыска и полиции, установил в Корее жестокий режим полицейского террора и постепенно захватил в свои руки все внутреннее управление страной (финансы, местное управление, суды, тюрьмы, полицию). Только после того, как японские правящие круги захватили всю власть в Корее и усилили свою оккупационную армию, они решились осуществить аннексию Кореи, которую подготовляли еще с периода русско-японской войны.

«Договор» об аннексии, навязанный в августе 1910 г. марионеточному корейскому правительству, закрепил и юридически оформил позиции, которые империалистическая Япония захватила в Корее еще в период протектората.

Политико-стратегическое значение аннексии Кореи Японией состояло в том, что японский империализм приобретал важный военный плацдарм на континенте, что облегчало его дальнейшую экспансию против Китая и России.

Главным препятствием на пути к порабощению Кореи Японией явились корейские крестьяне, рабочие и мелкая буржуазия, которые, несмотря на жесточайший военно-оккупационный режим, не прекращали в течение всего периода протектората героической борьбы против японских захватчиков. Вооруженная борьба корейского на-

рода явилась основной причиной того, что японскому империализму потребовалось пять лет подготовки для осуществления аннексии Кореи.

Движение за независимость, зародившееся в Корее еще в период японского протектората, не прекращалось в течение всего сорокалетнего периода японского господства, принимая на разных этапах различные формы.

Эти традиции борьбы за независимость против иностранных интервентов и по сей день живы в памяти корейского народа, выступающего за свободу и единство своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

[1] Тё=0,99 *га*.

[2] К необрабатываемым землям относятся: равнины, пустоши, луга, морские побережья. Эти земли составляли в Корее 1,2 млн. тё, т. е. около 70% всех обрабатываемых в то время земель.

[3] Протекторатом называются такие взаимоотношения между государствами, когда на основании заключенного ими соглашения одно государство передает ведение своих важнейших международных дел другому государству — протектору и принимает от него советника или руководителя (резидента). При этом оно сохраняет во внутренних делах некоторую весьма призрачную самостоятельность [23, 171—172].

[4] Сон Бёнджун в течение 10 лет жил в Японии и активно сотрудничал с японцами, в начале русско-японской войны вернулся в Корею в качестве переводчика японской армии [65а, 384].

[5] После поражения крестьянского восстания 1894 г., проходившего под знаменем тонхак, усилилось влияние реакционного крыла, лидером которого был Сон Бёнхи.

[6] Неравноправный договор, навязанный Корее Соединенными Штатами, предоставлял американцам право экстерриториальности, неподсудности корейскому суду, а также право свободной торговли в открытых портах, право приобретать землю, основывать промышленные предприятия и т. д.

При заключении этого договора США заверяли корейское правительство в том, что в случае необходимости они окажут Корее свои «добрые услуги» [184, 343].

Глава 2

[1] Председателем Совета министров был назначен бывший министр иностранных дел Пак Чесун.

[2] Корейская армия состояла из двух гвардейских пехотных полков (3,6 тыс. человек), 8 батальонов, находившихся в провинции (4 тыс. человек), и ряда подразделений специальных родов войск: артиллерии, кавалерии, саперов, обозных частей (около 400 человек) [189, 36].

[3] В течение 1908 г. число придворных было сокращено на 4348 человек.

[4] В отчете генерального резидента указывается, что по новому соглашению с Кореей на посты вице-министров, 2 секретарей и 4 клерков кабинета, $^1/_3$ всех секретарей и клерков каждого министерства, начальника управления полицией, главного инспектора корейского полицейского управления и начальника таможенного бюро

назначались японцы. Так, например, в 1907 г. в министерстве финансов из 1847 служащих японцев было 962, а корейцев — 885, в министерстве юстиции из 670 служащих японцев — 403, корейцев — 267, в министерстве земледелия, торговли и промышленности из 311 чиновников японцев — 206, корейцев — 105.

[5] Население Кореи в то время составляло 12,9 млн. человек [55, 177].

[6] Этот вопрос подробно освещается в работах советских авторов [см., например: 89; 183].

[7] См. по этому вопросу работы советских корееведов: [65а, 79; 91; 93; 95].

[8] Ли Инён руководил восстанием в пров. Канвон. Был выдан провокатором, заточен в тюрьму, где и умер.

[9] Хо Ви был одним из организаторов отрядов «Ыйбён».

[10] Ан Джунгын по приговору японского суда был казнен в марте 1910 г.

[11] По официальным японским данным, в 1910 г. в «Ильчинхве» состояло около 140 тыс. человек.

Глава 3

[1] С мая 1907 г. на посту министра земледелия, торговли и промышленности находился японский агент Сон Бёнджун.

[2] «Тотаку» была создана в декабре 1908 г. и приступила к своей деятельности 23 января 1909 г.

[3] Номинальный капитал корейских компаний равнялся всего 1262 тыс. иен, а оплаченный — менее 500 тыс. иен.

[4] 1 кин=600 *г.*

[5] В 1906 г. объявленный капитал банков равнялся 1 млн. иен и оплаченный — 466 тыс. иен, а в 1909 г. составлял соответственно 1,2 млн. и 555 тыс. иен.

[6] Разработка, орошение и осушение земель; закупка семян, удобрений и сельскохозяйственных орудий; сооружение построек для сельскохозяйственных и промышленных целей; строительство дорог; разработка лесных массивов и др.

[7] К 1920 г. основной капитал банка увеличился до 80 млн. иен.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма*

1. Маркс К. Манифест Коммунистической партии, — т. 4.
2. Маркс К. Британское владычество в Индии, — т. 9.
3. Маркс К. Будущие результаты британского господства в Индии, — т. 9.
4. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке, — т. 19.
5. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств, — т. 21.
6. Энгельс Ф. Роль насилия в истории, — т. 21.
7. Маркс К. Капитал, т. I—III, — т. 23—25.
8. Ленин В. И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, — т. 1.
9. Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве, — т. 4.
10. Ленин В. И. Китайская война, — т. 4.
11. Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии, — т. 6.
12. Ленин В. И. Анкета об организации крупного капитала, — т. 21.
13. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма, — т. 27.
14. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, — т. 27.
15. Ленин В. И. Тетради по империализму, — т. 28.
16. Ленин В. И. Империализм и раскол социализма, — т. 30.
17. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении, — т. 30.
18. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», — т. 30.
19. Ленин В. И. Восьмой Всероссийский съезд Советов, — т. 42.

Источники

На русском языке

20. «Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел», М., 1960.
21. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1848 — 1925 гг.), М., 1927.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по второму изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

22. Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I, М., 1925.
23. «Международное право в избранных документах», М., 1957.
24. «Международные отношения в эпоху империализма (Документы из архивов царского и временного правительства)», серия II, 1900—1913, т. 18—20, М., 1925.
25. «Международные отношения и внешняя политика СССР» (Сборник документов, 1871—1957), М., 1957.
26. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», изд. 2, М., 1956.
27. «Русско-японская война», М., 1925.

На восточных языках

28. «Дайнидзи токанфу токэй нэмпо» («Второй статистический ежегодник генерального резидента в Корее»), Токио, 1909—1910.
29. «Дайсандзи сисэй нэмпо» («Третий административный ежегодник генерального резидента в Корее»), Кэйдзё (Сеул), 1909.
30. «Дайсандзи токанфу токэй нэмпо» («Третий статистический ежегодник генерального резидента в Корее»), Токио, 1910.
31. «Ниппон носёму токэй хё» («Статистические таблицы министерства земледелия и торговли Японии»), Токио, 1907, 1910, 1911.
32. «Тёман кэйдзай дзюнэнси» («Экономика Кореи и Маньчжурии за 10 лет»), Кэйдзё (Сеул), 1919.
33. «Тёсэн-но кэйдзай дзидзё» («Экономическое положение Кореи»), Кэйдзё (Сеул), 1934.
34. «Тёсэн-но ногё» («Сельское хозяйство Кореи»), Кэйдзё (Сеул), 1933.
35. «Тёсэн-но сангё» («Промышленность Кореи»), Кэйдзё (Сеул), 1934.
36. «Тёсэн сотокуфу сисэй нэмпо» («Административный ежегодник генерал-губернатора в Корее»), Кэйдзё (Сеул), 1911, 1914, 1916, 1917.
37. «Тёсэн сотокуфу токэй нэмпо» («Статистический ежегодник генерал-губернатора в Корее»), Кэйдзё (Сеул), 1913, 1916, 1917, 1930.
38. «Тёсэн хорэй» («Корея. Законы и постановления»), Токио, 1908.
39. «Кёндже тхонгэ нёнбо» («Экономико-статистический ежегодник»), Сеул, 1948.

На английском языке

40. Bishop J. Theodore Roosevelt and His Time, New York, 1920.
41. «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», London, 1929.
42. «The First Annual Report on Reforms and Progress in Korea (1907)», Seoul, 1908.
43. Gwynn S. The Letters and Friendship of Sir Secil Rice, New York, 1929.
44. «Japan Year book», Tokyo, 1911.

45. «Korea. Government-General. Annual Report on Administration of Chosen (Korea)», Seoul, 1911.
46. «Korea. Treaties and Agreements», Washington, 1921.
47. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Publication of the Department of State», Washington, 1905—1910.
48. Pringle H. The Life and Times of W. H. Taft. A Biography, New York, 1939.
49. Pringle H. Theodore Roosevelt's Biography, New York, 1931.
50. «Government-General. Results or the Three Years Administration of Chosen», Seoul, 1914.
51. Roosevelt Th. An Autobiography, New York, 1913.
52. «The Second Annual Report on Reforms and Progress in Korea (1908—1909)», Seoul, 1909.
53. «The Secret Memoires of Count Tadasu Hayashi», New York—London, 1915.
54. «Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge (1884—1918)», New York, 1925.
55. «The Third Annual Report on Reforms and Progress in Korea (1909—1910)», Seoul, 1910.

Монографии

На русском языке

56. Аварин В. Я. Империализм в Маньчжурии, М. — Л., 1931.
57. Болдырев Г. И. Финансы Японии, Л., 1946.
58. Вайнцвайг Н. К. Японские концерны, М., 1935.
59. Ванин Ю. В. Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв., М., 1968.
60. Гальперин А. Л. Англо-японский союз (1902—1921), М., 1947.
61. Гражданцев А. Корея, М., 1948.
62. Добров А. С. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, М., 1952.
63. Жуков Е. М. История Японии. Краткий очерк, М., 1939.
64. Зайчиков В. Т. Корея, М., 1951.
65. «История дипломатии», т. II—III, М., 1963.
65а. «История Кореи», М., 1974.
66. Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии, М., 1934.
67. Ким Н. Под гнетом японского империализма, Владивосток, 1926.
68. Кравцов И. В. Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951), М., 1951.
69. Крайнов П. А. Борьба корейского народа за независимость, М., 1948.
70. Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии, М., 1964.
71. Кутаков Л. Н. Очерки по новейшей истории Японии (1918 — 1963), М., 1965.
72. Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР (1905—1945), М., 1961.

73. Кюнер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, Владивосток, 1912.
74. Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904—1905 гг., М., 1936.
75. Лиф Ш. Б. Война и экономика Японии, М., 1940.
76. Масленников В. А. Китай, М., 1946.
77. «Новая история стран зарубежного Востока», М., 1952.
78. «Описание Кореи», СПб., ч. I—III, 1900.
79. Пак Б. Д. Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны, М., 1967.
80. Пак М. Н. Из истории освободительного движения корейского народа, М., 1955.
81. Певзнер Я. А. Государственно-монополистический капитализм в Японии после второй мировой войны, М., 1961.
82. Песоцкий В. Корея накануне аннексии, 1910.
83. Петров Д. В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны, М., 1965.
84. Попов К. М. Технико-экономическая база Японии, М. — Л., 1932.
85. Попов К. М. Экономика Японии, М., 1936.
86. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, М. — Л., 1955.
87. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906), М., 1928.
88. Рунцов В. Л. Корейско-японские отношения и японо-китайская война, СПб., 1904.
89. Севостьянов П. П. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, М., 1958.
90. Серошевский В. Л. Корея, 1909.
91. Хан М. Освободительная борьба корейского народа в годы протектората (1905—1910), М., 1961.
92. Шабшина Ф. И. (отв. ред.). Корея: Север и Юг, М., 1965.
93. Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 г. в Корее, М., 1952.
94. Шабшина Ф. И. Очерки новейшей истории Кореи (1918 — 1945), М., 1959.
95. Шипаев В. И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895—1917), М., 1964.
96. Шипаев В. И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении, М., 1966.
97. Эйдус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней, М., 1968.
98. Эйдус Х. Т. Япония от первой до второй мировой войны, М., 1946.

На японском языке

99. Боку Бункэй, Носон сякай бунка-но кайтэн ситэ-но тоти тёса дзигё-ни цуитэ (О земельном обследовании с точки зрения социальной дифференциации деревни), Токио, 1933.
100. Исида Бунсиро, Симбун кироку сюсэй Мэйдзи дайдзикэн си (История важнейших событий периода Мэйдзи по газетным вырезкам), Токио, 1954.

101. Исимори Хисая, Тёсэн тодзи-но хихан (Критика японского управления Кореей), Кэйдзё (Сеул), 1926.
102. «Ито Хиробуми дэн» («Биография Ито Хиробуми»), т. II, Токио, 1940.
102а. Ито Хиробуми, Син Ниппон-ни атэру тосо (Борьба за новую Японию), Токио, 1889.
103. Кадзима Мориносукэ, Нихон гайкоси (История внешней политики Японии), Токио, 1965.
104. Кубо Тэндзуй, Тёсэнси (История Кореи), Токио, 1905.
105. Лим Гван Чхоль, Тёсэн рэкиси токухон (Хрестоматия по истории Кореи), Токио, 1949.
106. «Мэйдзи Тайсёси» («История годов Мэйдзи и Тайсё»), Токио, 1930—1931.
107. Нарахаси Эйтаро, Нитиро сэнсо-маэ-но гайкоси (История дипломатии накануне русско-японской войны), Осака, 1970.
108. Такаси Матоми, Мэйдзи исин-кара-но гайко (Международные отношения после Мэйдзи исин), Осака, 1928.
109. «Симбун сюсэй Мэйдзи хэннэнси» («История Мэйдзи в газетных вырезках»), т. 13, Токио, 1936.
110. «Тёсэн докурицу ундо» («Движение за независимость Кореи»), ч. I, Токио, 1967.
111. «Тёсэн киндайси сирёхэн» («Материалы по новой истории Кореи»), Токио, 1936.
112. «Тёсэн кэйдзай-но кэнкю» («Изучение экономики Кореи»), Кэйдзё (Сеул), 1929.
113. Тогано Нарадзаки, Тёсэн сайкинси (Новая история Кореи), Токио, 1912.
114. Хатада Сигэо, Кавагоэ Кэйдзо, Тёсэн мондай то Нихон (Корейский вопрос и Япония), Токио, 1968.
115. Хатада Такаси, Тёсэнси (История Кореи), Токио, 1953.
116. Хаяси Такэхико, Канкоку гэндайси (Современная история Южной Кореи), Токио, 1967.
117. Хаясида Камэтаро, Мэйдзи Тайсё сэйкай сокумэнси (Политическая история Мэйдзи и Тайсё), т. I, Токио, 1926.
118. Хори Макото, Нитиро сэнсо дзэнго (Вокруг проблем русско-японской войны), Токио, 1940.
119. Ямабэ Кэнтаро, Никкан хэйго сёси (1876—1910) (Краткая история аннексии Кореи Японией). Токио, 1968.

На корейском языке

119а. Ли Наён, Чосон минджок хэбан тхуджэнса (История национально-освободительного движения в Корее), Пхеньян, 1958.
120. «Чосон кындэ хёнмён ундонса» («История революционного движения в Корее нового времени»), Пхеньян, 1961.
120а. «Чосон тхонса» («История Кореи»), т. 2, Пхеньян, 1958.

На английском языке

121. Allen G. A Short Economic History of Modern Japan (1867—1937), London, 1964.

122. D'Anethan A. The D'Anethan Dispatches from Japan 1894—1910, Tokyo, 1967.
123. Asakawa K. The Russo-Japanese Conflict, London, 1904.
124. Bailey Th. Theodore Roosevelt and the Japanese-American Crisis, New York, 1934; Gloucester, 1964.
125. Bishop I. Korea and Her Neighbours, London, 1898.
126. Brown A. The Mastery of the Far East, New York, 1921.
127. Choi W. The Fall of the Hermit Kingdom, New York, 1967.
128. Chung H. The Case of Korea, London, 1919.
129. Chung H. The Oriental Policy of the United States, New York, 1919.
129a. Clyde P. International Rivalries in Manchuria (1899—1922), Columbia, 1928.
130. Conroy H. The Japanese Siezure of Korea (1868—1910), Philadelphia, 1960.
131. Dennet T. Theodore Roosevelt and the Russo-Japanese War, New York, 1925.
132. Dennis A. Adventures in American Diplomacy (1896—1906), New York, 1928.
133. Drake H. Korea of the Japanese, New York—London, 1930.
134. Dulles F. Yankees and Samurai, New York, 1965.
135. «Economic History of Chosen», Seoul, 1920.
136. Esthus R. Theodore Roosevelt and Japan, Washington, 1966.
137. Grajdanzev A. Modern Korea, New York, 1944.
138. Griffis W. Korea, the Hermit Nation, London, 1882.
139. Griswold A. The Far Eastern Policy of the United States, New York, 1938.
140. Hamada K. Prince Ito, Tokyo, 1936.
141. Hamilton A. Korea, New York, 1904.
142. Harrington F. God Mammon and the Japanese, Madison, 1944.
143. Hoshino J. Economic History of Chosen, Seoul, 1920.
144. Hulbert H. History of Korea, vol. 1—2, London, 1962.
145. Hulbert H. The Passing of Korea, London, 1908; New York, 1906.
146. Kajima M. The Emergence of Japan as a World Power, Tokyo, 1968.
147. Mc Kenzie F. Korea's Fight for Freedom, New York, 1920.
148. Mc Kenzie F. The Japanese in Korea,—«The Contemporary Review», 1908, January.
149. Mc Kenzie F. The Tragedy of Korea, London, 1908.
150. Kim C. I., Kim H. K. Korea and the Politics of Imperialism (1876—1910), Berkeley—Los Angeles, 1967.
151. Kobayashi U. The Basic Industries and Social History of Japan, London, 1930.
152. Ladd G. In Korea with Marquis Ito, New York, 1908.
153. Mc Laren, A Political History of Japan during the Meiji Era 1867—1912, London, 1916.
154. Lee H. Land Utilization and Rural Economy of Korea, Chicago, 1936.
155. Longford J. The Story of Korea, London, 1911.
156. Lowton L. Empires of the Far East, vol. II, 1912.

157. Maki J. Conflict and Tension in the Far East, Key Documents 1894—1960, Seattle, 1961.
158. Millard T. America and the Far Eastern Question, New York, 1909.
159. Millard T. The Far Eastern Question, New York, 1909.
160. Millard T. Our Eastern Question, New York, 1916.
161. Morgan Y. Japan in Recent Time (1912—1916), New York, 1929.
162. Moulton H. Japan. An Economic and Financial Appraisal, Washington, 1931.
163. Nelson F. Korea and the Old Orders in Eastern Asia, New York, 1946.
164. Neu C. An Uncertain Friendship. Theodore Roosevelt and Japan 1906—1909, Cambridge, 1967.
165. Nish J. The Anglo-Japanese Alliance (1894—1907), London, 1966.
166. Oliver R. Korea. Forgotten Nation, New York, 1944.
167. Poolew A. Japan in the Cross-Roads, London, 1917.
168. Remer C. Foreign Investments in China, New York, 1933.
169. Satow E. Korea and Manchuria between Russia and Japan, Tallahasse, 1966.
170. Takeuchi T. War and Diplomacy in the Japanese Empire, New York, 1935.
171. Treat P. Diplomatic Relation between the United States and Japan during 1859—1921, California, 1928.
172. Treat P. The Far East, New York, 1935.
173. Vinacke H. A History of the Far East in Modern Times, New York, 1947.
174. Putnam W. The Coming Struggle in Eastern Asia, London, 1909.
175. Putnam W. The Reshaping of the East, London, 1905.
176. Putnam W. The Truce in the East and Its Aftermath, London, 1907.
177. Yaung W. The International Relations in Manchuria, Chicago, 1929.
178. Yu Te-jen, The Japanese Struggle for World Empire, New York, 1967.
179. Yyehara G. The Industry and Trade of Japan, London, 1936.
180. Yyehara G. The Political Development of Japan 1867—1909, London, 1910.

Статьи

На русском языке

181. Василевская И. И. К вопросу об экономическом закабалении и ограблении Кореи японским империализмом в годы протектората, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М., 1958, № 34.
182. Василевская И. И. Некоторые вопросы японского оккупационного режима в Корее в 1904—1905 гг., — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М., 1955, вып. XVI.
183. Гальперин А. Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией, — «Вопросы истории», М., 1951, № 2.

184. Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904 — 1905 гг.), — «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. 4, М., 1947, № 4.
185. Кутаков Л. Н. К истории Портсмутского мира, — «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. 9, М., 1952, № 2.
186. Нарочницкий А. Л. США и японская агрессия в Корее и Китае в 1894—1895 гг., — «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. 7, М., 1950, № 3.
187. Романов Б. А. Дипломатическое развязывание русско-японской войны, — «Исторические записки», М., 1940, № 8.
188. Сурин В. И. Американский империализм и дальневосточная политика Теодора Рузвельта, — «Ученые записки Уральского государственного университета», Свердловск, 1952, № 11.
189. Шабшина Ф. И. Борьба корейского народа против установления японского колониального господства, — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М., 1952, № 6.
190. Шабшина Ф. И. Освободительное движение корейского народа в 1905—1911 гг., — «Первая русская революция 1905 — 1907 гг. и международное революционное движение», ч. II, М., 1956.

На японском языке

191. Арига Нагао, Никкан кёякуто кёхаку мондай (Японо-корейский договор и проблема насилия), — «Гайко дзихо», Токио, 1906, № 102.
192. Ямабэ Кэнтаро, Нихон тэйкокусюги-но Тёсэн синряку то Тёсэн дзиммин-но ханко тосо (Захват Кореи японским империализмом и борьба корейского народа), — «Рэкисигаку кэнкю», Токио, 1953, № 164.

На английском языке

193. Kawakami K. The Remaking of Korea,—«Тайё», Токио, 1906, № 10.
194. «Progress of Reorganization of the Finances of Korea»,—«Тайё», Токио, 1906, № 2.
195. Reinisch P. Japan and Asiatic Leadership,—«North American Review», I, 1905.

Периодические издания

На русском языке

196. «Вестник Азии», Харбин, 1909—1915.
197. «Вопросы истории», М., 1951—1952.
198. «Дальний Восток», Владивосток, 1904—1910.
199. «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, М., 1947, 1950, 1952.

200. «Известия Восточного Института», Владивосток, 1909, 1915.
201. «Исторические записки», М., 1940, № 8.
202. «Коммунистический Интернационал», М., 1919—1935.
203. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М., 1952, 1955, 1958.
204. «Революционный Восток», М., 1927—1937.
205. «Тихий океан», М., 1934—1938.
206. «Ученые записки Уральского государственного университета», Свердловск, 1952, № 11.

На японском языке

207. «Асахи дзянару», Токио, 1966.
208. «Гайко дзихо», Токио, 1904—1910.
209. «Гикай то дзититай», Токио, 1966, № 4.
210. «Кэйдзай», Токио, 1966, № 9.
211. «Тайё», Токио, 1905—1910.
212. «Тоа ниппо», Токио, 1956.
213. «Хоти симбун», Токио, 1907.
214. «Хэймин симбун», Токио, 1905.

На английском языке

215. «Contemporary Japan», Tokyo, 1964, 1967.
216. «The Korea Review», Seoul, 1902—1906.
217. «Korean Repository», Seoul, 1898.
218. «The Japan Chronicle», Kobe, 1905—1910.
219. «The Japan Weekly Mail», Yokogama, 1905—1910.
220. «Stars and Stripes», Washington, 1950, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Введение 6
Глава 1. Японский оккупационный режим в Корее в годы русско-японской войны. Заключение договора о протекторате 14
Установление военно-оккупационного режима в Корее . 14
Мероприятия по подготовке протектората 16
Поддержка США и Англией японской агрессии в Корее в годы русско-японской войны 28
Установление японского протектората над Кореей . . 31
Глава 2. Политическое порабощение Кореи в годы японского протектората 37
Первый период протектората (1905—1907 гг.) . . . 37
Создание аппарата генерального и провинциальных резидентов в Корее 37
Подчинение судебной и полицейской системы Кореи . . 40
Второй период протектората (1907—1910 гг.) 43
Отречение корейского императора от престола и роспуск армии 43
Полное подчинение Японией внутреннего управления Кореи 50
Политика США, Англии и России в отношении аннексии Кореи Японией 58
Подъем национально-освободительного движения в Корее в период протектората 60
Аннексия Кореи 67
Глава 3. Экономическое закабаление Кореи в годы протектората 75
Методы захвата корейских земель 75
Искусственное ограничение развития корейской национальной промышленности и строительство дорог 83
Установление японского контроля над внешней торговлей и финансами Кореи 91
Заключение 103
Примечания 107
Библиография 109

Ирина Ивановна Василевская

Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904 — 1910 гг.)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *М. А. Унке*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректоры *Леаль В. С., Кольцина Л. М.*

Сдано в набор 3/I 1975 г.
Подписано к печати 19/IV 1975 г.
А-11839. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 3,75. Усл. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,39.
Тираж 1200 экз. Изд. № 3419.
Зак. № 6. Цена 64 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение
«Полиграфист» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16.